Посмотри на неё
18+
Л. Э. ФЛИНН

Young Adult. Психологическая проза

Лори Элизабет Флинн

Посмотри на неё

«Эксмо»

2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Флинн Л.

Посмотри на неё / Л. Флинн — «Эксмо», 2020 — (Young Adult. Психологическая проза)

ISBN 978-5-04-112673-5

«Не верьте всему, что читаете. Не верьте всему, что слышите. Сами решайте, что думать обо мне». Вы слышали эту историю в новостях. Девушка и парень пошли в лес. Она сумела выбраться, а его никто больше не видел… Все вокруг уверены: им известна правда. Некоторые говорят, что Табби столкнула Марка с обрыва. Она ревновала. У нее было достаточно причин, чтобы избавиться от него. Другие полагают, что он упал с обрыва случайно. Ведь Табби любила его и не могла причинить Марку боль… Кажется, что каждый знает правду лучше самой Табби: ее подруга, ее сестра, ее враги, ее бывший парень. Вот только они забыли, что лишь одной Табби известно, что произошло на самом деле.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-112673-5

© Флинн Л., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Часть I 6
Она 6
Ты 8
1 9
2 10
3 12
4 13
5 17
6 19
7 22
8 24
9 26
10 29
11 30
12 33
13 36
14 39
15 42
16 44
17 47
18 48
19 52
20 55
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Лори Элизабет Флинн
Посмотри на неё

Моему папе
Я всегда буду гордиться тем,
что могу называть тебя своим отцом, героем и другом

Часть I
Джек и Джилл пошли на холм
За ведром водицы[1]

Она

СОФИТЫ ГОРЯТ РЕЗКИМ СВЕТОМ, скорее белым, нежели желтым, тем самым, который невозможно встретить в природе, хотя в природе встречается так много резких вещей. Девушка, сидящая под светом софитов, – еще подросток. Большую часть времени она выглядит старше своих лет, но сегодня она кажется юной и испуганной; ее синие глаза моргают, как у куклы.

Ведущая попросила ее рассказать свою версию истории. Она говорила, вскинув подбородок. Впервые она была по-настоящему уверена, что ее слушают. И вот звучит последний вопрос.

Ведущая – та самая журналистка, которая договаривалась об интервью и которая так сильно хотела его получить, что предложила крупную сумму. Она смотрит на девушку со всей серьезностью. Может, она видит в ней то, чего поначалу не замечала: то, что девушка ведет себя дерзко, если присмотреться. Ее юбка чересчур короткая, а ноги голые, без колготок. Губы слишком красные, а взгляд похож на сияние софитов, которое невозможно встретить в природе.

– Что бы ты хотела, чтобы весь мир узнал о тебе сегодня, чего не знал раньше? Что бы ты сказала всем тем, кто следил за твоей историей? Девушка набирает в грудь воздуха и задерживает дыхание. Должно быть, она уже много раз думала над этим. В ее голове перекатываются слова: иногда спокойными переливами, иногда – бушующими волнами. Когда она отвечает, ее тихий голос постепенно набирает силу и становится громче. Она смотрит прямо в камеру. Последнее слово остается за ней.

– Не верьте всему, что читаете, – говорит она. – Не верьте всему, что слышите. Сами решайте, что думать обо мне.

КОЛДКЛИФФСКИЙ ВЕСТНИК
19 августа 2019

Студент Принстона погиб в результате несчастного случая в походе
Автор: Джули Керр

Тело Марка Форрестера – двадцатилетнего студента Принстонского университета – было найдено в реке Клеймор-Крик утром в субботу. Форрестер отправился в пеший поход по Мейфлауэрской тропе вместе со своей девушкой – семнадцатилетней Табитой Казинс – во второй половине дня в пятницу. Казинс заявила, что Форрестер хотел дойти до знаменитой, но опасной смотровой площадки, наиболее известной под названием «Раскол»,

[1] Джилл и Джек (англ. Jack and Jill) — детская песенка из сборника английских народных детских стихов разных жанров «Песни Матушки Гусыни», впервые опубликованных в Англии во второй половине XVIII века.

чтобы посмотреть на закат. Однако, как только Форрестер добрался до верха, он споткнулся и упал вниз с высоты более двенадцати метров.

«Это было ужасно, – прокомментировала Казинс. – Секунду назад он смотрел вниз с края, а затем просто исчез».

Ни Казинс, ни Форрестер не были опытными пешими туристами. На Мейфлауэрской тропе, протяженность которой составляет тринадцать километров, повсюду расставлены знаки, предупреждающие об опасности, грозящей тем, кто направляется к смотровой площадке. Данный маршрут рекомендуется выбирать только опытным туристам.

Казинс была первой, кто сообщил о несчастном случае ранним утром в субботу после того, как ей удалось найти обратную дорогу из леса в темноте. «Я не переставая звала на помощь, – сообщила девушка, – но поблизости никого не было, чтобы меня могли услышать. Я была очень напугана».

Смерть Форрестера пополнила список погибших в лесах королевы Анны, этот случай стал седьмым с 1916 года. В 1960-х Раскол назвали «Горкой самоубийц», когда три сектантки спрыгнули вниз, чтобы покончить с собой. Последний смертельный случай на Расколе перед недавним инцидентом имел место в октябре 1989 года, когда подростки Эрнест Маллинг и Дезире Хинд отправились в лес в поход с палатками. На следующий день Хинд сообщила, что Маллиган исчез после того, как отправился дальше в одиночку, но его тело нашли лишь через два дня. Существование злого умысла не было доказано, однако семья Маллигана до сих пор уверена, что Хинд причастна к его смерти.

Отряд полицейских водолазов нашел тело Форрестера. У него остались мать, отец и старший брат – коренные жители Колдклиффа.

Ты

ТЫ УЗНАЕШЬ ОБ ЭТОЙ ИСТОРИИ из новостей. Девочка и мальчик отправились в лес. Девочка несла корзинку для пикника. На мальчике были ярко-желтые беговые кроссовки. Они не планировали гулять до темноты, но небо было иссиня-черным, когда девочка нашла дорогу домой, и была она при этом без корзинки для пикника и без мальчика. Мальчика нашли на следующее утро, плавающим в Клеймор-Крик лицом вниз; его желтые кроссовки потемнели от мутной воды.

Ты услышишь, что это трагедия, что у мальчика впереди была целая жизнь. Он должен был вернуться в Принстон, где учился на спортивную стипендию по плаванию. Марк-Акула – так его называли в бассейне. В скором времени ты отправишься на его похороны вместе с остальными.

Ты следишь за ее жизнью в онлайне. Может быть, тебе даже что-то известно. Как только у тебя будут все факты, ты сможешь решить для себя: виновна она или нет. Если ты придешь к умозаключению, что это сделала она, ты начнешь задаваться вопросом, сойдет ли ей это с рук.

Если же ты посчитаешь, что она невиновна, ты начнешь гадать, что же она вообще делала в лесу так поздно.

1
Элли

– ЭЛЛИ, ЭТО ПО ПОВОДУ МАРКА.

Я едва узнаю ее голос. Это уже не первый раз, когда она звонит мне в два часа ночи – она ведет ночной образ жизни, пока мы все пускаем слюни на подушку. Это уже не первый раз, когда она звонит, и ее голос звучит испуганно. Это не первый раз, когда она начинает со слов «*Элли, это по поводу Марка*». Их разборки становятся все более напряженными, а перерывы между ссорами становятся короче. Она никогда раньше не звонила – всегда ограничивалась сообщением. Однако в последнее время ей нужно слышать мой голос. Или же ей нужно, чтобы я услышала ее.

– Что он натворил на этот раз? – Я подскакиваю на кровати, убирая от лица липкие от пота волосы. – Ты где?

– Он упал.

– Что? Где упал?

– В лесу, Элли.

– На что упал? Он в порядке?

Надеюсь, он ничего не сломал. Марку-Акуле нужны все части его тела в целости и сохранности для блистательной карьеры пловца. Даже несмотря на то, что с карьерой у него в последнее время не особо ладилось. «*Ты сломала мне жизнь*», – сказал он Табби на последней вечеринке. Табби сказала, что такого не было, когда я после решила расспросить ее об этом.

Табби никогда не обманывала меня до того, как появился Марк. Даже несмотря на то, что я не платила ей той же монетой.

– Все серьезно, Элли. – Ее голос срывается. – Он не в порядке. Он…

Я все понимаю по ее тяжелому молчанию еще до того, как она заканчивает предложение. Я уже знаю, что она скажет.

– Он мертв.

И далее в течение нескольких ужасных секунд, или, может, даже дольше, я испытываю облегчение.

2
Бриджит

ОНА ГОВОРИТ, ЧТО ДОМА БУДЕТ ПОЗДНО, но, может, мы успеем посмотреть что-нибудь по Netflix после. «Что захочешь», – говорит она, что большая редкость, потому что обычно мы с ней спорим о том, что будем смотреть дольше, чем идет сам фильм.

Она сидит за своим столом и рассматривает карту, которую я ей нарисовала, прежде чем уйти. Я бы узнала эту карту где угодно. На ней изображен Раскол – высокий и опасный.

– Не могу поверить, что он ведет тебя туда, – говорю я. – На восхождение уйдут часы. Местность холмистая, знаешь ли, и забраться на вершину очень трудно. В такую жару это будет жестко.

– Вот поэтому я и готовлюсь, – говорит она. – Я возьму с собой твою карту, как послушная маленькая герлскаут. В таком случае, если что-то случится, я не заблужусь.

– Ла-а-адно. – Я растягиваю слово, как прилипшую к зубам ириску.

– Чего ты так боишься? – Табби разворачивается ко мне. – Что лес меня проглотит? Я старшая сестра. Это я должна переживать и беспокоиться.

Я провожу примерные расчеты в уме. Даже если у них получится идти со скоростью около пяти километров в час, они не доберутся до Раскола раньше начала восьмого. Мне становится немного легче от того, что я знаю, где она будет и когда мне ждать ее возвращения домой.

– Я буду писать тебе, чтобы ты знала, что все в порядке, но глубоко в лесу связи нет, – говорит она. – По крайней мере, я готова поспорить, что ее нет. Только не переживай за меня, ладно?

Позже я наблюдаю за тем, как она запрыгивает в машину Марка с корзиной для пикника на сгибе локтя. На ней мои кроссовки – розовые «найки». Не могу объяснить этого, но я чувствую тревогу, как только она уезжает. Кажется, во мне растет уверенность в том, что ее больше никогда не увижу.

Она не возвращается домой вовремя, чтобы посмотреть фильм, и она не пишет мне, чтобы дать знать, где она. Мама и папа начинают беспокоиться около одиннадцати, когда от нее уже давно ничего не слышно. Они ничего не понимают. Им следовало бы начать беспокоиться еще до того, как она уехала.

«Она мертва», – кричит мой разум. Я представляю большие руки Марка, его нахальную усмешку. Нам придется ехать на опознание ее тела.

«Тебе нельзя больше выходить на улицу, – тычет папа в меня пальцем. – Я хочу, чтобы ты все время находилась у меня под присмотром».

Я даже забыла, что я выходила на улицу. Я была на пробежке, телефон держала в руке. Пальцы сжимали его так крепко, будто он при необходимости мог бы стать оружием, которое могло бы расколоть кому-нибудь череп. Но это было много часов назад. Я забыла принять душ. Все прошло, как в тумане.

В полночь мама и папа нервно расхаживают по дому, а я стою на втором этаже, прижавшись носом к окну, как маленький ребенок в ожидании Санты.

Они звонят Элли, но она не отвечает. Может, мне это только кажется, но отношения между ними в последнее время несколько изменились. Табби больше не проводит с Элли много времени. Я знаю об этом, потому что это время она проводит со мной.

К половине первого мама и папа убеждают себя в том, что Табби потеряла счет времени. Они говорят, что ей скоро восемнадцать, и им в любом случае следует ослабить поводок перед тем, как она отправится в колледж.

(Какой еще поводок? Нет никакого поводка. Даже ошейника нет. Табби никому не принадлежит.)

Они идут спать. Я не ложусь. Мои нервы похожи на старые провода, вибрирующие от идущего по ним тока, от которого мое тело бьет дрожь. Я знаю: что-то случилось. Я знаю, и, должно быть, мне это говорит моя сестринская интуиция. А может, мне и не нужна сестринская интуиция, потому что кто угодно мог бы понять, что все это было как-то неправильно. Марк захотел взять Табби на Раскол. Я представляю ее глаза, большие и полные паники. Ее голову, размозженную о камень, расколутую надвое, как сам Раскол.

Дверь не открывается до начала второго. Я за кухонным столом с телефоном, листаю ее «Инстаграм», пытаясь найти хоть какую-то зацепку. Табби все лето напролет сладко улыбается. Рука Марка постоянно лежит у нее на плече. Подпись под одной из ее фотографий, где они вдвоем смотрят немного в сторону от камеры, гласит: «Молюсь за диких сердцем, заключенных в клетках»[2].

Дверь открывается так тихо, что я едва это слышу. Она будто бы пытается незаметно проскользнуть в дом, как делала это прежде тысячу раз. По ее лицу размазан макияж, который она нанесла перед походом, из-за чего я над ней подшучивала. Руки у нее дрожат. Вообще, не только руки, но и все тело, словно внутри его началось землетрясение.

– Что случилось? – спрашиваю я. – Где ты была?

Ее волосы не идеально прямые, какими были сегодня утром, а волнистые. Они почти пушатся, как это бывает, когда она примет душ и дает им высохнуть. Затем я замечаю ее ноги. Заляпанные грязью, с коричневыми потеками, покрывающими каждый сантиметр голой кожи. Мои «найки» промокли насквозь, и теперь они скорее красные, нежели розовые.

– Бридж, – говорит она. – Кое-что случилось. Он… Он… Он упал.

После этого она падает на кухонный пол, и я понимаю, что Марка больше нет в живых.

[2] «Молюсь за диких сердцем, заключенных в клетках» – подзаголовок пьесы Т. Уильямса 1941 года «Лестница на крышу».

3
Киган

КАК, ТЫ ДУМАЕШЬ, Я СЕБЯ ЧУВСТВУЮ?

Мне звонят, чтобы сообщить, что мой лучший друг погиб. Это тот же парень, которого я видел сегодня утром. И вот теперь его нет.

И почти сразу я понимаю почему.

4
Бриджит

НИКТО НЕ ГОВОРИТ О ТОМ, что смерть убивает всеобщего любимца. Наоборот, смерть делает его бессмертным. Может, я раньше этого полностью и не понимала, но теперь понимаю, потому что похороны Марка стали самым запоминающимся событием этого года в Колдклиффе.

Вот кое-что, что нужно знать о нашей общине. У нас около восьми тысяч жителей, поэтому в туристических буклетах наш городок называют «уютным». Если тебе раньше не доводилось слышать о нашем маленьком уголке в Колорадо, то я не удивлюсь. Мы расположены примерно в пятидесяти километрах от Боулдера[3], а ближайшая к нам горная вершина – это Лонгс-Пик[4], поэтому на нас часто не обращают внимания. Мы будто исчезаем из поля зрения. Да, люди приезжают, чтобы отправиться в поход по местным маршрутам, но они обычно не задерживаются. В каждом городе есть своя фишка. Некоторые известны благодаря огромному мотку бечевки или самому вкусному в мире хот-догу. У нас же есть Раскол. Горка самоубийц. Гигантский большой палец. Как только его не называют. В общем, у нас есть часть скалы, где погибла куча людей, и по какой-то причине другие люди хотят увидеть это место своими глазами.

Особенно сейчас.

Теперь, когда я бегу по лесу, я вижу мемориал Марку. Куча ребят из нашей школьной команды пловцов разложили шапочки и очки для плавания по тропинке, ведущей к Расколу. Это их версия цветов. Сегодня на пробежке я наступила на пару таких очков, наслаждаясь тем, как их засасывает мокрая земля.

Вот кое-что еще, что нужно знать о нашей общине: мы защищаем то, что наше. Мы сворачиваемся, как листок, не подпуская к себе посторонних. Мы маленькие и закрытые от мира, но если у кого-то из нас случилась беда, то мы объединяемся. Микки – владелец «Мороженого Рида» – попал в автомобильную аварию пару лет назад, и кто-то создал страничку на GoFundMe[5], чтобы собрать средства на оплату его счетов за лечение, и все наши откликнулись. Мои родители вроде как пожертвовали сотен пять баксов. Так что естественно, что такая страничка была создана и для сбора средств на похороны Марка. Сумма, которую собрали, была просто абсурдной.

Мои родители тоже пожертвовали деньги.

Мои родители пришли сегодня на похороны. Мы все пришли. Мы собрались в церкви, и здесь слишком жарко и людно. Я неловко встречаюсь взглядом со светловолосым кучерявым парнем, который непрестанно смотрит на меня. Мальчишки обычно пялятся на Табби, но этот будто бы решил ее намеренно не замечать.

И он такой один. Все остальные смотрят на нее. Я не могу их в этом винить. Она в черном, как и все мы, но ее наряд отличается, потому что выглядит не траурным, а праздничным.

– Твое платье слишком короткое, – сказала ей мама, прежде чем мы вышли из дома.

– Марку оно нравилось, – огрызнулась Табби. – Он бы хотел, чтобы я была именно в нем.

С этим мама спорить не стала. Вот еще один факт о всеобщих любимцах: за ними всегда остается последнее слово.

Похоронная служба ровно такая, какую и следовало ожидать – душная и пропитанная слезами. Священник читает Библию. Все склоняют головы. Когда я бросаю взгляд на Табби,

---

[3] Боулдер – крупный город в штате Колорадо, центр округа Боулдер.

[4] Лонгс-Пик – высокая горная вершина в северной части Скалистых гор Северной Америки.

[5] GoFundMe – американская краудфандинговая платформа для сбора средств на личные нужды.

то вижу, что ее глаза опущены, как и у всех, но она смотрит на что-то в руке. Телефон. Затем она замечает, что я смотрю на нее, и незаметно посылает мне улыбку.

Люди скорбят по-разному. Но иногда мне кажется, что моя сестра совсем не опечалена утратой. Честно говоря, не могу ее за это упрекать, потому что мне тоже не грустно.

Светловолосый парень поднимается с места и встает за трибуну.

– Многие из вас меня не знают. Я старший брат Марка – Александр. Последний год я жил в Австралии. Я должен был защищать Марка, но он никогда не нуждался в защите. Если вы знали Марка, то вы знаете, что он был готов сорвать с себя последнюю рубаху. Он был готов сделать что угодно ради других.

Сидящая в первом ряду женщина издает громкий всхлип. Мама Марка. Она чопорно обняла Табби, когда мы заходили в церковь. Я знаю, что это был первый раз, когда они встретились лично. «*Такое ощущение, что я секрет*, – как-то сказала мне Табби. – *Как будто я существую только тогда, когда он хочет*».

Александр продолжает.

– Мои родители попросили меня сказать несколько слов, и у меня есть ровно столько. Я просто хочу, чтобы все помнили Марка таким, каким он был: умным, сильным и добрым ко всем. Он мог бы достичь невероятных высот, но давайте не будем думать о том, что ему не удалось совершить. Давайте думать о том, чего он добился, пока был с нами, и жить так, как он бы этого хотел: смело, честно и с благодарностью за все.

Он говорит еще некоторое время, делясь воспоминаниями о Марке из детства. Стоящая рядом со мной Табби зевает. В последнее время она плохо спала.

Когда мы были маленькими, мы настаивали на том, чтобы у нас была одна спальня, притом что у каждой из нас была своя комната в двухэтажном доме в Рочестере. Мы часто засыпали на полу, свернувшись в спальном мешке. Затем Табби повзрослела, и наша разница в два года дала о себе знать. У Табби появилась своя жизнь, скрытая за завесой, которую я не могла поднять. Когда мы переехали в Колдклифф, Табби наклеила на дверь своей комнаты желтую ленту – ту самую, которую можно увидеть по телевизору, когда показывают место преступления. Это было якобы в шутку, но на самом деле нет. Она охраняла свою новую жизнь, как дракон оберегает сокровища. До сих пор охраняет.

Элли со своими родителями сидит на несколько рядов позади нас. Ее мама смотрит Табби в затылок. Мама Элли любит Табби, и я знаю, что она переживает за нее. Моя сестра относится к той категории людей, которых либо любят, либо ненавидят. Никто и никогда, кажется, не будет относиться к ней нейтрально. В то же время все относятся нейтрально ко мне, как будто застревают в невидимой паутине где-то посередине, и эта паутина все больше проседает под их общим весом. У меня нет врагов, но никто и не спешит признаваться мне в любви.

Когда служба, наконец, заканчивается, мы все начинаем плестись к выходу из церкви, чтобы оказаться в удушающей влажности Колдклиффа. Наверное, теперь тело Марка похоронят на кладбище, но туда идут только родственники, потому что церемония захоронения закрытая.

Табби не пригласили. Я рада, что мы с ней можем побыть наедине. Я также рада, что гроб закрытый. До меня дошли слухи, что его голова была проломлена внутрь, и никакое количество похоронной косметики не смогло бы это скрыть.

Александр подходит к нам, когда мы оказываемся почти у выхода. Мои родители уже успели уйти вперед, держась за руки; они выглядели потерянными, как заблудшие зомби. Они больше не понимают, как им себя вести с Табби. Эта проблема терзала их уже довольно долго.

– Эй, – Александр окликает Табби. Его взгляд мечется ко мне, но это всего лишь предупреждение: «*Ты к этому разговору не имеешь никакого отношения*».

Я делаю вид, что меня заинтересовало распятие на стене, к которому прибит гвоздями слишком уж реалистичный Иисус. Гвозди, торчащие из его рук, полностью покрыты кровью.

– Ты не должна была сюда приходить, – говорит Александр Табби. – Тебе здесь не рады. Я не хотел устраивать сцену перед родителями, но держись от нас подальше, черт побери.

– Да ладно тебе, – отвечает Табби приторно-сладким голосом. – Неужели ты правда веришь…

Мне не удается услышать окончание предложения, потому что ко мне подходит тренер Тейлор, чтобы спросить о том, как у меня дела и не стала ли смерть Марка для меня тяжелым ударом.

Скорее уж, она стала для меня облегчением.

Не пойми меня неправильно – я не психопатка. Я не фантазировала о том, как Марк падает вниз со скалы и разбивается насмерть. Но ни для кого не секрет, что я представляла, что Марк *исчезает*. Он не оказывал на мою сестру хорошего влияния. Наоборот, ему удалось вытащить на свет что-то такое, чего я вообще не понимаю. Не понимаю, что же такое он в ней пробудил и как.

– Эй, – Табби игриво толкает меня бедром. – Приветик, тренер. Моя сестра суперчемпионка, правда? Не могу дождаться, чтобы посмотреть, как она снова утрет всем нос в этом году.

Тренер улыбается.

– Бриджит очень талантливая. Мы с нетерпением ждем начала бегового сезона.

– Я буду на каждом забеге, – говорит Табби. – Твоим личным чирлидером.

Я хмыкаю. Готова поклясться, тренер покраснел. Он, наверное, совсем не намного старше Марка. Ему немного за двадцать, и лицо у него детское.

Табби умеет вызывать у людей реакцию, заставлять их сердца биться немного быстрее. Может, это из-за того, как она говорит некоторые вещи. Она имела в виду, что будет моим личным чирлидером, но тренер наверняка сейчас представляет ее в роли своего.

– Что тебе сказал брат Марка? – спрашиваю я, когда мы идем по парковке к папиной «Тойоте Камри».

– Просто поблагодарил за то, что пришла, – отвечает Табби. – Для его мамы это много значило.

Но я помню, что я слышала. Она врет, и я даже понятия не имею, о чем еще она врала.

Пока мы едем домой, нам повсюду встречается Марк. Кто-то поставил рекламный щит с изображением его лица: фото сделано в бассейне после соревнований по плаванию, где Марк победоносно поднимает из воды два гигантских кулака. Он выглядит почти дико. «ПОМНИТЕ МАРКА ФОРРЕСТЕРА», – гласит надпись. Золотые венки обрамляют фонарные столбы, стоящие вдоль Мейн-стрит в центре города. Золотые, потому что однажды именно золотую медаль он бы завоевал на Олимпийских играх. Золотые, потому что его рекорды до сих пор не побиты на чемпионатах штата Колорадо среди старших школьников. Его имя бессмертно. Золотые, потому что Марк был золотым человеком, и ничто уже не замарает его имя.

Табби смотрит в окно и утирает глаза, хотя я не думаю, что за все время она проронила хоть одну слезинку.

КОЛДКЛИФФСКИЙ ВЕСТНИК
3 сентября 2019

Новые улики в деле погибшего принстонского туриста
Автор: Джули Керр

После вскрытия причиной смерти двадцатилетнего Марка Форрестера считалось утопление. Первоначальные доклады указывали на то, что вероятной причиной смерти стало падение с Раскола – смотровой площадки Мейфлауэрской тропы, однако экспертиза показывает, что Форрестер был жив, когда приземлился в воду, несмотря на серьезную травму головы.

Смерть наступила примерно в 21.36 – через несколько часов после того, как Форрестера и его девушку Табиту Казинс заметил турист на Мейфлауэрской тропе.

Также в реке Клеймор-Крик были замечены полицейские водолазы. На данный момент полиция не подтверждает наличия подозрений в убийстве, однако в Интернете не прекращается обсуждение Казинс и ее поведения за несколько дней до похода.

5
Элли

Я НЕ ТАКАЯ ХОРОШАЯ ПОДРУГА, какой меня все считают.

Сегодня мы с Табби отправились в торговый центр городка Форест-Глен, чтобы купить новую одежду в школу. Это наше вполне обычное совместное занятие. Только вот после смерти Марка ничто больше не кажется обычным. Она говорит, что ей нужно продолжать жить и не думать о смерти. «Он бы этого хотел», – поясняет она.

Мой живот снова стал плоским. Табби отпускает по этому поводу комментарий, когда я примеряю короткий топ.

– Ты такая худенькая. Тебе определенно стоит его купить. В этом году в школе ты будешь девушкой с самым красивым телом.

– Ну да, точно, – отвечаю я. – Это ты ей будешь.

Как обычно. Тело Табби – легенда, о которой постоянно говорят в раздевалках. Оно одновременно упругое и мягкое.

– Еще посмотрим, – не соглашается она. – Ну, так ты с ним уже поговорила?

– С кем?

– Элли, – говорит она, прижимая к моему подбородку свой большой палец, как это делает моя мама. – Ты знаешь, о ком я. Неужели ты правда с ним так и не поговорила?

– Нам не о чем разговаривать.

– Ладно, – тянет она, – но если ты продолжишь делать вид, что ничего не было, то это ничего не исправит.

Она не права. Я выгляжу ровно так же, как прежде, даже лучше. Я стала более подтянутой и загорелой за последние пару недель. После того, как погиб Марк, мы с Табби почти каждый день отправлялись на пляж Крест-Бич. Она утверждает, что это единственное место, где она чувствует себя нормально, когда смотрит на воду.

Табби считает, что знает мою историю от и до. И да, она знает большую ее часть, однако версии Табби не хватает огромной главы, и я позабочусь о том, чтобы она никогда эту главу не прочитала. Потому что это уничтожит нашу дружбу.

Когда мы обедаем на фудкорте (для меня – салат без заправки), я знаю, что люди смотрят на нас. Нет, не на нас. На Табби. В этом нет ничего необычного. На нее частенько смотрят дважды. Мне кажется, из-за глаз, потому что они невероятно синие. Люди замирают, чтобы ей об этом сказать и спросить, настоящие ли они.

«Конечно, настоящие, – всегда отвечает она. – Они же на моем лице, разве нет?»

Но сейчас на нее смотрят по-другому. Никто к нам не подходит. Люди держатся на расстоянии, перешептываются, прикрывая ладонями рты. Они смотрят с осуждением, с неодобрением. Я легко узнаю́ эти взгляды. Совсем недавно на меня смотрели точно так же.

– Почему все смотрят? – спрашиваю я. – Это из-за того, что ты теперь вдова погибшего парня?

Наверное, ты посчитаешь меня грубой. Нетактичной. Или же ты подумаешь, что я стерва, – ничего страшного. Люди думали обо мне вещи и похуже. Но мне нечего скрывать. Мне не было грустно из-за того, что Марк погиб. Я не плакала на его похоронах. Я пошла на его похороны только потому, что мама меня туда потащила, а потащила она меня потому, что любит Табби и считает ее своей второй дочерью. Моя мама хотела быть там, чтобы поддержать Табби.

(Я соврала. Мне есть что скрывать. Но это не мое истинное отношение к Марку. Все оплакивают парня, которого не существовало. Истинная его натура мне была не по душе, и мне совсем не жаль, что он умер).

– Должно быть, – отвечает Табби в перерыве между пережевыванием сандвича. С тех пор как Марк умер, к ней вернулся аппетит. Когда они были вместе, он всегда донимал ее тем, что она ела. «*Марк хочет, чтобы я перестала есть фаст фуд. Марк сказал, что у меня быстрее появится рельеф, если я перестану употреблять сахар. Марк сказал, что пеший поход будет отличной тренировкой для моих ног и заднищы*».

Марк хотел. Марк сказал.

Люди продолжают смотреть весь оставшийся день. Когда Табби везет нас домой, из окна машины я показываю средний палец кучке женщин среднего возраста, одетых в кардиганы. Они кажутся мне знакомыми. Они и меня осуждали. Пусть болтают.

Только после ужина, когда я захожу в «Фейсбук», я вижу ее: ссылку на статью в «Колдклиффском вестнике», где говорится о причине смерти Марка. Лу Чемберлейн запостила ее. Она ненавидит Табби.

Утопление. Моя грудная клетка сжимается, словно собственная кожа стала мне мала. Все полагали, что он умер из-за того, что разбился о скалы. Какая ужасная, злая ирония. Марка-Акулу погубила неглубокая мутная речушка.

Однако не из-за самой статьи мурашки начинают бежать у меня по коже. Все из-за комментариев под ней. Комментариев про Табби.

«Что-то здесь не сходится: почему она не проверила, все ли с ним в порядке?» – Это написала Лу.

«Они ссорились на вечеринке у Элли – все это видели».

«Готова поспорить, она знала, что он собирался ее бросить, и слетела с катушек. Вы же знаете, что она очень вспыльчивая? Как-то раз она послала мистера Мансини».

«Они ссорились из-за их ребенка!!!»

Я перестаю читать. Достаточно. Может, это было неизбежно, и я знала, что подобное произойдет. Все начинают выбирать сторону. Табби не суждено было стать просто вдовой Марка.

Ей суждено было стать его палачом.

Выдержка из дневника Табби

23 июля 2018

Я встретила мальчика, и я тут же влюбилась в него. Как это вообще возможно? Я даже не знаю, зачем я все это пишу. Наверное, потому, что я должна что-то писать, если хочу когда-нибудь стать писателем. Многие даже не знают, что я хочу быть писателем. Такой большой мечтой делиться не нужно.

Итак, Марк Форрестер. Я знаю, что он меня тоже любит. Наверное, он мой единственный. Элли сказала, что еще рано делать такие выводы, но она сама никогда не влюблялась, так что ей не понять. Марк не такой, как другие мальчики. Он не боится показывать, насколько я ему небезразлична. Он реально принес мне на свидание цветы – красные розы. Я одну засушу, чтобы в один прекрасный день показать ее нашим детям.

Наверное, именно поэтому я все это пишу. Потому что это тоже моя большая мечта, которой не нужно делиться, но мне необходимо доказательство того, что это все не сон. Я не могу никому об этом рассказать. Никому не нравятся люди, которые настолько счастливы.

6
Элли

МНЕ ВАЖНО РАССКАЗАТЬ ТЕБЕ кое-что о Табби. Тебе нужно знать, как она познакомилась с Марком. Все это было из-за меня, так что часть вины за это лежит на мне. Я заставила ее прошлым летом пойти со мной на мини-гольф, потому что у моего папы был купон на группу, и папа не хотел, чтобы он пропал зря.

– Я ненавижу мини-гольф, – сказала Табби. – Там нужно обувать эти уродливые туфли, в которых до тебя побывали ноги тысяч людей.

– Это в боулинге. Я обещаю, что если ты со мной пойдешь, я потом угощу тебя мороженым.

До мороженого дело так и не дошло. Мы так долго возились с мини-гольфом, что следующая за нами команда догнала нас. Их группа состояла из парней, которые были на несколько лет старше нас. Табби настолько разозлилась, что просто взяла и пнула мячик ногой в лунку.

Один из парней засмеялся. Табби тут же повернулась к нему.

– Что смешного?

– Твоя… эм-м техника. Она довольна интересная. – Он облокотился на свою клюшку.

– А ты можешь лучше?

Он пожал плечами.

– Ну, мне ногами пользоваться не нужно.

– Что я могу сказать? Когда есть проблема, я ее решаю. И мне не нужно, чтобы какой-то парень доставал меня менспленингом[6].

– Менсплейнингом? – Он смеялся, но она даже не улыбнулась.

– Да. Это когда какой-нибудь придурок говорит девушке, как ей лучше что-то делать.

Именно так они и познакомились. Табби всегда обязательно нужно было с кем-нибудь спорить. Ее родители все еще были вместе, но родителями их можно было назвать лишь условно. Они не спорили, не ругались, потому что ни у одного из них просто не осталось на это сил.

Табби любила Марка. Он не был идеальным парнем, а она не была идеальной девушкой. Они обижали друг друга ненамеренно. Они обижали друг друга нарочно. Иногда трудно отличить одно от другого, пока метафорический нож не заденет за живое.

А сейчас я расскажу кое-что обо мне и Табби. Мы стали подругами в первую неделю учебы в восьмом классе, и вместе нас связала кровь. Если точнее, то у меня начались месячные, и Табби оказалась поблизости. Я стояла в кабинке школьного туалета, глядя на свои трусики, и в панике держала испорченную розовую юбку между сложенной в несколько слоев туалетной бумагой, молясь о том, чтобы пятно исчезло. Я дождалась полнейшей тишины, прежде чем выйти из кабинки, после чего я попробовала отлепить юбку от задницы и засунуть ее под кран в раковину. Именно в этот момент Табби нашла меня. Она была новенькой, и вокруг ее персоны уже начали кружить всякие сплетни. Поговаривали, что она переехала из Нью-Йорка, что ее отец был музыкантом, имевшим популярность в девяностые, что сама Табби была ребенком-моделью, что она была уже не девственницей, что подвеска в виде большого черного креста на ее шее, которую она иногда носила, была на самом деле наполнена наркотиками.

---

[6] Менсплейнинг (*англ.* Mansplaining) – термин, получивший распространение в среде феминисток, снисходительная манера разговора, используя которую, мужчина объясняет что-то женщине с помощью упрощенных формулировок, делая скидку на ее пол.

Я знала, что разрыдаюсь, когда она начнет смеяться надо мной, стоящей посреди туалета с трусами в крови и мокрой юбкой в руке. Я приготовилась к унижению, но Табби порылась в своей сумочке и достала оттуда тампон.

– Вот, – сказала она. – Я всегда ношу запасной.

Я не хотела говорить ей о том, что это мои первые месячные – то событие, которое моя мама захочет со мной отпраздновать по возвращении из школы. Я понятия не имела, как пользоваться тампоном, и мне было стыдно признаваться в этом Табби. Каким-то чудом мне этого делать и не пришлось.

– Когда у меня впервые пошли месячные, я была на вечеринке у бассейна. В белом купальнике. Именно в тот момент я поняла, что Бога не существует. – Она рассмеялась, и ее смех был больше похож на лай. – У этих есть пластиковые аппликаторы. Насколько я знаю, других не существует. Просто присядь и засунь его внутрь. Я здесь, если понадобится помощь.

Я очень, мать ее, надеялась, что помощь не понадобится, и, к счастью, мне потребовалась всего пара минут в кабинке, чтобы безо всякого сопротивления засунуть в себя тампон. К тому времени, как я вышла из кабинки и вымыла руки, Табби успела снять с себя клетчатую рубашку оверсайз, которую она повязала вокруг моего пояса.

– Вот. Теперь никто никогда не узнает, что случилось. К тому же теперь твой прикид выглядит еще круче.

Я рассмеялась, и она тоже. Мне захотелось ее обнять, но я не стала этого делать. Всю ночь меня преследовали мысли, что она всем рассказала о моих месячных и о том кошмаре, следы которого она помогла мне скрыть. На следующий день я думала, что мне будет неловко встретить ее в школьном коридоре, но это было не так. Она сама подошла к моему шкафчику, и мы начали болтать, и с тех пор так и не перестали. Она говорила правду, когда сказала, что никто никогда не узнает о том, что тогда случилось.

У Табби и меня много общего. Нас обеих назвали в честь наших бабушек: Табита и Элеонор, и мы обе ненавидим наши имена, поэтому мы начали представляться сокращенными формами, которые, слава богу, у этих имен были. Она стала Табби, а я – Элли. Мы обе изменились, когда отказались от лишних букв, став девчонками, которым хотелось диктовать свои правила.

Нам обеим нравится находиться в центре внимания. Иногда кажется, что мы с ней соперничаем за место на сцене, которой даже не существует.

Мне не нравится вращаться вокруг ее солнца, а ей не нравится вращаться вокруг моего. Обычно у подружек бывает так, что одна из них не против находиться на заднем плане и помогать другой выглядеть лучше на ее фоне. Она играет роль помощницы – верной и немного застенчивой. Мы с Табби в данном аспекте резонируем, потому что обе напористые и требуем всеобщего внимания. Иногда этого внимания оказывается слишком много.

Нам обеим нравятся «Настоящие домохозяйки»[7], караоке и халапеньо. Мы обожаем Хеллоуин, потому что это значит, что мы можем нарядиться, не беспокоясь о том, что нас станут осуждать за желание показать как можно больше обнаженного тела (по крайней мере, не станут осуждать слишком уж сильно). Мы проводим слишком много времени в «Снэпчате», балуясь с фильтрами, которые меняют лица. По окончании школы мы обе ходим отправиться вместе в какое-нибудь путешествие, хотя мы так и не решили, куда именно. Табби хочет в Австралию, а я – в Таиланд. Куда-нибудь, где можно будет работать официантками, жить в хостеле и менять парней, как перчатки.

А вот еще кое-что общее, что есть у меня и Табби: Бэк Резерфорд. Но я расскажу о нем позже. Я не хочу, чтобы меня возненавидели сразу же.

---

[7] Настоящие домохозяйки (англ. The Real Housewives) – американская медиафраншиза, состоящая из нескольких реалити-шоу жизни богатых домохозяек, проживающих в различных регионах по всей территории США.

Ты же знаешь, что я ради тебя на все готова, да?

Что бы ты ни попросил. Потому что я тебя люблю.

Текстовое сообщение от Табиты Казинс Марку Форрестеру, 23 июля 2018, 10.18

7
Бриджит

Я ИЗМЕНИЛА СВОЙ УТРЕННИЙ МАРШРУТ. Не с той целью, чтобы не бежать мимо дома родителей Марка, а как раз наоборот. Я знаю, что его брат все еще в городе, а на их крыльце образовался алтарь с разными свечками и цветами. Цветы сохнут и становятся коричневыми, каждый новый день темнее. Я знаю это, потому что дом мелькает в поле моего зрения, пока я бегу мимо. Для меня это стало чем-то вроде дежурства, хотя я и не совсем понимаю, зачем это делаю.

Может, я боюсь того, что они что-то найдут, если будут знать, где искать.

Мои друзья все спрашивают меня о Табби. *Как думаешь, она была причастна?* Честно говоря, я устала говорить о своей сестре. Я всю свою жизнь только о ней и говорила. Буквально. Мама обожает рассказывать всем, что мое первое слово было «Табби». Не «мама», не «папа», как у других детей. Меня не интересовали пальцы моих родителей, но я была привязана к своей сестре: хватала ее за одну из пухлых ножек, тянула за заднюю часть футболки или за косички.

Если бы мы с тобой были знакомы раньше, то я для тебя не была бы младшей сестрой Табби Казинс (так обо мне думали единицы), а бегуном. Бесшумным лезвием. Когда мы жили в Рочестере, мои родители пытались впихнуть меня в те же секции с групповыми видами спорта, в которых занималась Табби: футбол, бейсбол и баскетбол.

«*Занятия спортом полезны маленьким девочкам. Они воспитывают уверенность в себе*» – это было мантрой моих родителей. Судя по их словам, уверенность в себе была чем-то, что появлялось так же внезапно, как пришедший по почте подарок от родственников, с которыми видишься раз в год.

В общем, с командными видами спорта у меня все было ужасно. Я не могла забить мяч даже в пустые ворота. Я не могла отбить мяч битой и не могла забросить его в корзину. Но я была быстрой и почти не уставала, поэтому я решила стать бегуном на длинные дистанции. Это произошло приблизительно в то же время, когда Табби начала плохо себя вести. Я ухватилась за свое новообретенное увлечение, благодарная тому, что появилось то, что отличает меня от сестры и дает мне возможность проявить себя. Внезапно мои родители стали интересоваться мной. Папа приходил на все мои кроссы с секундомером. Он был на старте, потом на середине дистанции, а затем появлялся на финише с красным лицом и подбадривающими криками. Уверена, что он пробегал почти столько же километров, сколько и я.

Ты наверняка задаешься вопросом, как это все связано с Табби и, в частности, с Табби и Марком. Сейчас все объясню.

Мы с Табби ссорились так часто, что провели немало лет, стоя спиной друг к другу со скрещенными на груди руками. У нас с ней были и большие скандалы, и мелочные склоки, споры ни о чем и ссоры из-за чего-то. Та же одиннадцатилетняя девчонка, что отрезала мне волосы, пока я спала, на перемене ударила в живот Терезу Морган, которая дразнила меня из-за моей новой короткой стрижки, и была отстранена от занятий. Табби можно было надо мной издеваться, но никому другому этого делать было нельзя. Это был своего рода сестринский кодекс.

Ничто не может остановить Табби, когда она чего-то хочет. Мне кажется, это один из ее недостатков. Она не знает, как наступать на горло своим желаниям.

У Табби есть свои принципы.

– Бридж, вот лучший совет, который я могу дать: делай вид, что ты все делаешь без усилий, – как-то сказала она, пока заплетала мои волосы в косички перед моими очередными соревнованиями. – Потому что когда люди видят, что ты стараешься, они могут этим воспользоваться и влезть куда не звали.

После этих слов у меня сложилось ощущение, что все мы похожи на банки, которые могут ограбить, потому что наши хранилища имеют слабую систему безопасности.

Вот что я хочу тебе сообщить. Я не могу с абсолютной уверенностью сказать, что Табби никогда бы никого и пальцем не тронула, потому что я видела, что это не так. По большей части она все обращала в шутку, но я была свидетелем тех случаев, когда Табби была настроена серьезно. У всех этих инцидентов есть общая черта: моя сестра делала это ради кого-то другого. Табби можно описать различными словами: импульсивная, самовлюбленная, капризная, горделивая, саркастичная, веселая. Но ко всему прочему она преданная. Преданность – это визитная карточка Табби, если узнать ее поближе. Да, она затягивает в себя солнечный свет, как черная дыра, но она найдет способ и согреть тебя им.

– Ты сегодня была в лесу? – спрашивает Табби, когда я вернулась с пробежки. Она стоит в кухне с кружкой кофе и с распущенными сияющими волосами, спадающими вниз по спине.

– Ага, – отвечаю я. – Желтая лента все еще натянута.

Она кивает, будто ее это ничуть не удивляет. Понятия не имею, что копы хотят там найти.

Я уверена в одном: если Табби и навредила Марку, то лишь потому, что он это по-настоящему заслужил.

Анонимный звонок на «горячую линию» полиции

4 сентября 2019, 10:02

Алло? Да, я просто хочу сообщить о том, что видела. Это по поводу той истории про парня и девушку в лесу… Про парня, который погиб. Я выходила из леса по другой тропе, той, что идет вдоль реки Сайдер-Крик, а они шли в лес. В общем, он кричал на нее, чтобы она поторапливалась, и это мне показалось очень грубым, понимаете? Она несла в руках корзинку для пикника, и мне показалась, что корзина весила не меньше полусотни килограммов. Потом он зашагал быстрее, будто взбесился. Ей пришлось бежать за ним, чтобы не отставать. Она все время повторяла: «Я не уверена, я правда не знаю», и он сказал ей заткнуться и следовать за ним.

Они не оглядывались и, наверное, даже не догадывались, что я была там. Она выглядела очень расстроенной, а он показался мне очень злым. И еще один момент: его руки были сжаты в кулаки. Не знаю, но мне почему-то представилось, как он бьет ее.

Я ничего не сказала. Мне не хотелось привлекать к себе внимание. Это было не мое дело. Я просто как можно быстрее оттуда ушла. Но я все равно не могла перестать думать о той девушке, и когда я увидела заголовок о его смерти через несколько дней… Ну, я просто удивилась, что нашли не ее тело.

В общем, я не знаю, важна ли эта информация или нет, но я не смогу спать по ночам, пока не скажу что-нибудь в защиту этой бедной девочки. Он выглядел опасным, а она – печальной. И я знаю, ну, из личного опыта, что иногда люди испытывают грусть как раз перед тем, как, наконец, дать отпор.

8
Бэк

Колдклиффский полицейский участок, ***5 сентября, 14.18***

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: Спасибо, что пришел побеседовать с нами.

БЭК: Ну, у меня не было выбора. Ваше «приглашение» не очень-то было похоже на приглашение.

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: Бэк Резерфорд. Бэк – это сокращение?

БЭК: Это мое имя. Так вы меня арестуете за что-то, или мне можно уже вернуться в школу?

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: Не нужно срывать на мне раздражение, сынок. Мы просто хотим задать тебе несколько вопросов.

БЭК: Я вам не сынок.

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: Прости, Бэк. У нас есть несколько вопросов по делу Марка Форрестера, с которыми, мы надеемся, ты нам поможешь.

БЭК: Дело? Я думал, он свалился со скалы.

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: Не все так просто. Мы все еще ведем расследование, и нам нужна твоя помощь.

БЭК: Я уже давал показания одному из ваших. Я не знаю ничего о том, что произошло. Я слышал только то, что все и так знают.

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: Ты слышал от твоей девушки, верно? От Луизы Чемберлейн?

БЭК: Нет, я видел онлайн. Наверное, она мне звонила, чтобы рассказать, но я не брал трубку.

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: Почему ты не взял трубку, когда тебе звонила твоя девушка?

БЭК: Она не моя девушка, ясно? И что, вы всегда берете трубку, когда вам звонит жена? Что-то сомневаюсь.

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: Где ты находился в тот вечер, когда погиб Марк Форрестер?

БЭК: Я катался на байке. Я уже все это рассказывал одному из ваших. Вы что, не обмениваетесь друг с другом заметками?

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: Итак, ты катался на мотоцикле. Ты был один?

БЭК: Да, я был один.

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: Куда ты на нем ездил?

БЭК: Просто по окрестностям. В основном по дорогам вокруг города. Там не такое оживленное движение. Не переживайте, я не превышаю скорость.

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: Одному так ездить опасно. Что, если что-нибудь бы случилось?

БЭК: Ничего не случилось.

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: Ты знал, что Табита и Марк пошли в поход в тот день?

БЭК: Почему я должен был это знать? Мы с Табитой больше не общаемся. Мне абсолютно плевать на ее планы на выходные.

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: Больше не общаетесь. Но раньше общались. Судя по всему, вы не просто общались.

БЭК: Ну да, мы тусили вместе. Но теперь нет. У нее своя жизнь. У меня своя.

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: Значит, ты не был с ней ночью десятого августа на вечеринке у Элеонор Росс?

БЭК: Нет, не был. В смысле, я видел ее там, но я также видел еще сотню других людей. Такое случается на вечеринках.

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: Очевидцы говорят, что тебя видели с Табитой. Наш информатор сообщил, что видел вас выходящими вместе из домика у бассейна.

БЭК: Очевидцы. Ага. Мне что-то не верится. В тот вечер меня не было в домике у бассейна.

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: Еще один свидетель сообщил, что видел вас вместе на кухне. Ты ее обнимал, а потом что-то сунул ей в карман джинсов.

БЭК: Она даже не в джинсах была. На ней была юбка.

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: Ты помнишь, во что Табита была одета в день вечеринки, которая была в прошлом месяце?

БЭК: (запинается): У меня хорошая память.

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: В таком случае, может, ты вспомнишь, что Табита сказала тебе о своих планах с Марком.

Бэк: Я не могу рассказать вам то, чего не знаю. Слушайте, я задержан, или мне уже можно идти?

9
Элли

ТАББИ ЗНАЕТ ПРО ДАЛЛАСА. Она узнала не потому, что я ей рассказала, а из-за последствий. Даллас должен был быть просто интрижкой, хорошим поводом, чтобы потерять девственность, потому что он оказался рядом и не возражал. Но он каким-то образом все равно стал поворотным моментом в моей жизни. Как же это несправедливо, что у меня совсем не получается относиться к вещам легкомысленно. Такое ощущение, что у моего тела всегда другие планы.

Может, Табби знает, каково это.

Сегодня первый учебный день, так что естественно, что я увижу его сегодня. У меня не получится избегать его, как я это делала все лето. Он на год младше нас (Табби назвала меня совратительницей малолетних, когда обо всем узнала), так что в классе мы с ним не пересечемся, но во всех остальных местах я буду его видеть. Я знакома с ним уже несколько лет. Его семья живет через три дома от нашего, и его мама иногда заходит к нам, чтобы попить вина с моей матерью у нас на террасе, откуда слышен их непрерывный смех, улетающий в небо. Теперь, когда миссис Маккей заходит к нам, она говорит: «Привет, Элли», и я гадаю, что ей известно. Теперь, когда она полупьяная болтает с моей мамой по вечерам, я гадаю, о чем же они на самом деле разговаривают. Не обсуждают ли темы, которые не стоит затрагивать.

– Ты слишком нервничаешь, – говорит Табби, когда подбирает меня на синей «Тойоте» своего отца. – Расслабься. Ты ничего, черт побери, ему не должна, помнишь?

Ее голос звучит жестко, непоколебимо. Она вернулась. Вернулась та самая девушка, которая обладает способностью заставлять меня чувствовать себя одновременно видимой и невидимой. Марк что-то с ней сделал, каким-то образом сумев ее уменьшить, превратить огромное сияющее солнце в нечто, напуганное собственной тенью. Теперь же тень Табби стала темнее и больше, накрыла нас обеих, как тент. Я привыкла быть в этой тени.

– Ты права.

Я окидываю взглядом то, что на Табби сегодня надето, или то, чего не хватает. На ней шорты, которые задрались так высоко, что я не понимаю, насколько они коротки на самом деле, и короткий топик. С момента гибели Марка прошло три недели, и за эти три недели Табби металась между состоянием безмятежного спокойствия, рыданиями, приступами смеха и детской радости, за которые она впоследствии извинялась, как будто ей нельзя было чувствовать себя счастливой, в то время как он лежит в двух метрах под землей. Она говорила мне, что Марку не нравилось, когда она открывала слишком много участков тела. Я всегда замечала, что это ему не мешало в тот вечер, когда они впервые встретились.

Честно говоря, отсутствие Марка сделало все проще. Табби стала более спокойной, расслабленной, такой, какой она была раньше. Может, ты подумаешь, что все было бы так же, если бы он не умер. Он же не ходит в старшую школу Колдклиффа. Он бы вернулся в Принстон. Но контроль заставляет расстояние исчезать. Он сжимает людей до объектов, которые легко рассматривать под микроскопом. И взгляд Марка постоянно был прикован к микроскопу, под которым он изучил Табби.

Я не знаю, как Табби будет вести себя, когда мы зайдем в школу. Потянется ли она к моей руке, чтобы переплести наши мизинцы вместе, как это когда-то сделала я в час своей расплаты. Я не знаю, волнуется ли она, боится ли попасть в реальную версию минного поля из слухов, пущенных в Интернете. Но если Табби и боится, то она этого не показывает. Она больше не сутулится и стоит в полный рост, и за ней тянется шлейф уверенности, подобно подолу свадебного платья.

Мы идем по коридору, шлепая вьетнамками по полу. Возле шкафчиков толпятся стайки девчонок, которые смотрят на нас. Табби, кажется, это нисколько не заботит.

– Судя по всему, собственная жизнь у них ничем не примечательна, – говорю я. – Неужели у них нет других тем для разговоров?

С тех пор как Лу опубликовала ссылку на ту статью и под ее постом собралась куча комментариев, теперь у каждого встречного есть свое мнение о Табби. Никто не считает, что смерть Марка была трагической случайностью. Слишком многое указывает на то, что это была вовсе не случайность.

«*КТО-ТО столкнул его*, – говорилось в одном из последних комментариев. – *Если это была не она, то кто же?*»

Эти слова застряли у меня в голове. В моем воображении появился кто-то еще, кто был там, на Расколе, вместе с Табби и Марком.

Иногда я представляю, что там была я. Мои руки упираются ему в спину. Иногда я представляю, что чувствую его горячую кожу, слышу его крик.

Но все это лишь иногда, и я никогда в этом никому не признаюсь. Я вижу, что СМИ творят с девушками. Они пьют из них кровь, присасываясь, как вампиры, которые не останавливаются, пока не выпьют все до последней капли. Им нужна каждая подробность, рассказ о каждом шаге. Сначала они выпивают всю кровь, а потом приступают к жизненно важным органам. Им нужны ее легкие, чтобы она больше не могла дышать. Им нужен ее мозг, чтобы она не могла думать. Им нужно ее сердце, чтобы она разучилась чувствовать.

– Тот коп попросил меня зайти к ним еще раз после школы, – сообщает Табби так же буднично, как будто мы обсуждаем вредного учителя. – Стюарт. Тот, который меня ненавидит. Я ему уже рассказала все, что знаю. Ну и ладно. Мне нечего скрывать.

Журналисты пока до нее не добрались. Может, они уже и попробовали ее крови, но это вряд ли как-то на ней отразилось. Табби непробиваемая.

Я не успела ей ничего сказать в ответ, потому что перед нами возникло несколько парней из нашего класса. Коннор Лоусон, Брайан Хал, а также Лэнс Питерсон, с которым Табби сосалась в течение первого года обучения в старшей школе. Он рассказал всем своим друзьям, что она взяла у него в рот, не зная, как это правильно делается. Табби отмахнулась от слухов, как от мошкары, однако спустя неделю Лэнса отстранили от занятий из-за хранения наркотиков в шкафчике. Я ни разу не интересовалась у Табби, ее ли это было рук дело.

– А вот и она, – говорит Коннор. – Мне просто нужно спросить: это же ты сделала?

Мы продолжаем идти. Я показываю ему средний палец. Табби смеется.

– Не очень-то ты горюешь из-за этого, – кричит нам вслед Брайан. – Я видел тебя на похоронах. Ты все время улыбалась.

Они не знают Табби так хорошо, как знаю ее я. Рот Табби незаметно выдает ее с головой, причем, ей даже не нужно его открывать – без слов и так все ясно. Это ее бессменная усмешка, которую я как-то назвала «*бессмешкой»,* и то, как Табби смеется в неподходящее время. Я видела, как из-за этого она попадает в неприятности с учителями, как ее мама говорит ей: «*Это не смешно, Табита Мари*».

Табби не удостаивает комментарии парней ответом. Она останавливается лишь тогда, когда Лэнс открывает рот.

– Мне кажется, мы и так все знали, на что она способна. Она врет и изменяет направо и налево. Мы знали, что она и убить может.

Табби резко разворачивается и кладет ладонь ему на грудь, чтобы толкнуть его назад. Ее ногти покрыты фиолетовым лаком. Большинство сказали бы, что Табби нельзя назвать терпеливым человеком. Ее характер подобен зверю, который постоянно рвется с невидимого поводка. Но Табби может быть терпеливой, когда дело касается ухода за собой. Ее ногти всегда

одинаковой длины и всегда накрашены. Они никогда не бывают обломанными или погрызенными, как у меня.

Я сосредотачиваю внимание на ее маникюре. Коннор называет ее сумасшедшей сукой. Вокруг нас собирается толпа, которой нужен скандал. Я хватаю Табби за руку, чтобы потащить ее дальше по коридору, но она вырывается из моей хватки.

– Вам нужно шоу? Так вот же я. Вместо того, чтобы прятаться за вашими сраными компьютерами, скажите мне все в лицо. Скажите, какой я ужасный человек и каким чертовски идеальным был он.

Но никто ей ничего не говорит. Раздается несколько смешков. Большинство держат телефоны, наверное, чтобы все сфотографировать. Они думают: «*Смотрите! Она разозлилась*». А, как известно, все девушки, которые злятся, психически неуравновешенны.

И позади всех стоит Даллас. Наверное, он единственный, кто смотрит не на Табби. Вместо этого он смотрит на меня, задавая мне немой вопрос, который отличается от вопроса, который все боялись задать Табби до сегодняшнего дня.

10
Бриджит

У ВИДЕО ПОЧТИ ДВЕ ТЫСЯЧИ ПРОСМОТРОВ, а его выложили всего три часа назад. Две тысячи просмотров. В старшей школе Колдклиффа точно нет такого количества учеников, поэтому очевидно, что эта ситуация интересна и другим людям. Не уверена, что Табби знает о существовании этого видео, и я не собираюсь ей о нем рассказывать.

«*Она здесь показала себя с очень невыгодной стороны*», – вот что сказала моя подруга Лорел, когда посмотрела ролик. Лорел сразу же написала мне в «Ватсапе»: «*Ты видела? Она здесь показала себя с очень невыгодной стороны*».

Да, это так. Зубы в оскале, волосы взлохмачены. Она словно оголенный провод. Мы видим лишь ее инстинктивную реакцию, которая делает ее больше похожей на животное, чем на человека. Все этого и добиваются, ведь так? Они хотят сорвать с нее все, оставив лишь примитивные инстинкты.

Мне хочется, чтобы они перестали это делать. Они даже не догадываются, на кого они решили напасть.

КЛАВИША – ТВОЙ ИСТОЧНИК ГОРЯЧИХ ИСТОРИЙ!
6 сентября, 2019

Видео с девушкой из Колдклиффа стало вирусным
Автор: Майкл Диксон

Вокруг смерти двадцатилетнего принстонского студента Марка Форрестера, случившейся в августе во время похода, ходило много слухов. И вот сейчас нецензурное видео с его девушкой Табитой Казинс, потерявшей самообладание перед группой одноклассников, стало вирусным, собрав шестьдесят тысяч просмотров менее чем за двадцать четыре часа. Видео было опубликовано на «Ютуб»-канале, принадлежащем Луизе Чемберлейн – ученице Колдклиффской старшей школы. В этом ролике Казинс, судя по всему, пытается спровоцировать людей на то, чтобы они обвинили ее в причастности к смерти Форрестера.

«Это было жутко, – прокомментировал ее одноклассник, который предпочел сохранить анонимность. – Она будто с цепи сорвалась. И еще, как бы ужасно это ни звучало, было очевидно, что ей нравилось быть в центре внимания».

Лэнс Питерсон – ученик выпускного класса и капитан команды по плаванию – сказал, что Казинс физически и вербально атаковала его без всякой провокации. «Она набросилась на меня. Я ничего ей не сказал, кроме того, что соболезную. Понимаете, для всей команды Марк был примером. Он наша местная легенда».

Казинс отказалась от комментариев, но разговоры о видео в Сети подразумевают, что ее отношения с Форрестером были не такими простыми, как могло показаться на первый взгляд.

Ссылку на видео можно найти ***здесь***.

11
Лу

ДА, ЭТО Я выложила то видео. Ты, наверное, думаешь, что я подлый человек, раз так поступила, да? Но позволь мне высказаться. Я сделала это сгоряча. Она выглядела такой жестокой. У Табиты взрывной темперамент – это ни для кого не секрет. Так «*ее страстная натура проявляется во всем*», однажды выразился наш классный руководитель мистер Лоу на первом году обучения. (И то, как она посмотрела на него после этих слов, было мерзко. Она всегда с ним едва заметно флиртовала, хотя ему вроде как сорок и он женат).

Так что, да, я хотела показать всем злобную сторону Табиты. По большей части она умело скрывает ее существование, выдавая злобу за что-то другое. За *страсть*, полагаю. Но… Давай судить по видео, хорошо? Она же, ну, ведет себя некрасиво. Она закипает от гнева. Это и есть настоящая Табита.

В общем, теперь я жалею, что опубликовало видео, потому что внезапно не только все в нашей школе посмотрели его, а вообще *все*. Ко всему прочему один из детективов заставил меня его удалить. (Если хочешь посмотреть, у меня оно есть на телефоне.) И, знаешь, у меня такое чувство, что Табита всего этого и добивалась. Хотела, чтобы люди о ней говорили. Может, она знала, что кто-то снимет все на видео, и она идеально сыграла на камеру, чтобы журналисты потом могли обсосать эту историю и сделать из Табиты жертву. Ну, или кем бы она там ни была.

Я ненавижу проигрывать. Особенно сильно я ненавижу проигрывать Табите.

Наверное, мне нужно пояснить еще кое-что, раз уж мы говорим о проигрышах. Большинство людей считает, что я ненавижу Табиту из-за Бэка. Мол, ходил слух, что он спал с ней, пока встречался со мной. Но я не верю в эту чушь, потому что Бэк сказал, это неправда. Нет, я ненавижу Табиту из-за того, что произошло на втором году обучения, на пьесе.

(Не все сводится к парням, знаешь ли. Девушки куда сложнее, чем кажется на первый взгляд.)

Это была пьеса «Трамвай „Желание“»[8]. Конечно же, я должна была сыграть Бланш – все знают, что я хорошая актриса, и меня утверждали на главную роль почти в каждой постановке в нашей школе. Для меня было важно быть в этом лучшей. Почти все думают, что однажды я стану профессиональной актрисой, но сама я в этом не так уверена.

Итак, прослушивания проходили по средам. Обычно каждый год пробовались одни и те же девочки: Джина Форсайт, Джулия Питерсен, Тара Вотерс и Лекси Рот, которой ужасно не идут светлые волосы (мне кажется, она пыталась копировать меня, и это было просто… милая моя, не надо так). Я случайно услышала, как Тара жаловалась на то, что не может вспомнить строки своего монолога, и как Лекси сказала ей, что она сама планирует «сымпровизировать». Я лишь улыбнулась, потому что знала, что никто из них не составит мне конкуренции.

А потом в зале появилась Табита. Она выглядела как дочь алкоголиков: рваные колготки, черная подводка, громоздкие «мартинсы». В общем, выглядела она так, будто на дворе девяностые или вроде того.

– Что ты тут делаешь? – спросила я. Может, я сказала это не очень вежливо. Может, мне было глубоко наплевать на вежливость.

– Пришла на прослушивание. Мои родители хотят, чтобы я была везде задействована. – Она надула пузырь из жевательной резинки и лопнула его. – Слушай, у тебя все эти штуки очень хорошо получаются. Посоветуешь что-нибудь?

---

[8] «Трамвай „Желание“» (***англ***. A Streetcar Named Desire) – одна из самых известных пьес Теннесси Уильямса.

Эти штуки. Как будто мы тут ставили любительские пьесы, которые не стоили ее времени. Она унизила меня этими двумя словами, хотела она того или нет. И мне кажется, что хотела.

Я подготовила один из монологов Бланш из четвертого действия: «Ведет себя как скотина, а повадки – зверя!» Это было одно из моих лучших выступлений. Как только я оказалась на сцене, ко мне вернулась уверенность в собственных силах. «*К черту Табиту Казинс. Ей ни за что не получить главную роль*», – думала я.

Я не видела, как она проходила прослушивание, поскольку они проходят индивидуально и на них присутствуют только мистер Мансини, который был режиссером пьесы, и миссис Макдугал, которая типа просто всеми командует. Однако, когда объявили, кто получил какую роль, мое имя не было написано напротив роли Бланш. Роль досталась Табите. Мне дали роль *Стеллы*.

В общем, я немного разозлилась и сказала паре человек, что она, должно быть, что-то сделала для мистера Мансини, чтобы получить роль. Сплетня некоторое время обрастала новыми подробностями, но самым раздражающим было то, что Табита не стала ничего отрицать. Мне кажется, ей все это нравилось.

(Кстати говоря, с ролью Бланш она не справилась. Она едва появлялась на репетициях. Складывалось такое впечатление, что она хотела играть Бланш лишь потому, что ее хотела играть я. Ее интересует только то, чего хотят другие. И по сей день из-за имени *Стелла* мне хочется кричать.)

Так вот, когда мы наносили грим перед заключительным спектаклем сезона, Табби наклонилась ко мне и шепнула:

– Я слышала, что в зале какой-то скаут, который ищет новые таланты.

Это привлекло мое внимание.

– Скаут? Откуда ты знаешь?

Табби улыбнулась, как будто ей доставляло удовольствие знать то, чего не знаю я.

– Слышала, как она разговаривала с Мансини. У нее яркие красные волосы. Ее трудно не заметить.

Мое тело будто пронзила молния. Я никогда не нервничаю на сцене, и в тот момент тоже не нервничала. Я была взбудоражена. Я знала, что мне нужно сыграть лучше, чем когда-либо, хоть я и не играла Бланш. Мне нужно было, чтобы заметили именно меня.

О боже мой, я выложилась на максимум тогда. Я *была* Стеллой. Я не знаю, было ли это из-за адреналина, накала эмоций или прилива смелости, но после спектакля я увидела за кулисами женщину с красными волосами, стоящую рядом с мистером Мансини, и я подошла к ней и представилась.

– Меня зовут Луиза Чемберлейн, – сказала я. – Надеюсь, вам понравилась пьеса.

– Вы были восхитительны, – сказала она, сжимая в руке программку. – Я как раз говорила Брюсу о том, какой это был замечательный спектакль.

Я могла бы ничего не говорить и просто уйти на этом моменте, но я не та девушка, которая упускает возможности, поэтому я улыбнулась женщине своей самой широкой улыбкой.

– Я искренне верю, что мое будущее будет связано с актерством. Если у вас есть время, то мне бы хотелось с вами поговорить о том, как именно.

Это было очень дерзко, но я чувствовала, что все делаю правильно. До того момента, когда она посмотрела на меня, а потом на мистера Мансини с абсолютным недоумением на лице. Черт, я до сих пор четко вижу перед глазами ее лицо. Такое ощущение, что оно стало неизменным элементом декора в моем мозгу. Этакий коврик позора.

– Эмм, – начала говорить женщина, но мистер Мансини прервал ее, накрыв ее ладонь своей.

– Луиза, – сказал он, – это моя жена Мелинда.

Его жена. Его *жена*. И если это, по-твоему, было недостаточно унизительно, то представь, что вся труппа стояла в зоне слышимости, едва сдерживая смех. И представь, как Табби *ослепительно* улыбалась.

– Ты сказала мне, что она скаут, – зашипела я на нее позже, когда Табби сидела на скамейке, натягивая на ноги свои «мартинсы».

– Извини, – ответила она. – Это была не та женщина с красными волосами, которую я видела. Наверное, она уже ушла.

Ну и обманщица! *Браво*, Табби. Это было твое лучшее выступление. До настоящего момента.

– Это было ужасно унизительно, – сказала я. – Я теперь всеобщее посмешище.

Закрытие сезона должно было быть праздником. Мы всегда устраивали тусовки и отрывались. Но я могла пойти только домой. Табби отобрала у меня все мои достижения, заменив их ожогом унижения.

– Ой, да ладно, – сказала она. – Это было не так уж ужасно. К тому же есть вещи и похуже, чем когда люди о тебе говорят.

– Какие, например? – Я поставила ногу на скамейку, противясь желанию пнуть Табби.

– Например, когда они о тебе вообще не говорят. – Она встала, и мы оказались лицом к лицу. А потом она мне *подмигнула*.

Полагаю, я сама попалась на ее удочку. Мне нужно было быть умнее. Неважно, насколько грязными будут слухи – Табиту это не заботит, потому что о ней говорят.

Может, ты думаешь, это карма. Может, ты думаешь, что я стерва или что мелочная. Я не буду отрицать того, что во мне есть и стервозность, и мелочность. Но Табита хуже. Она жадная, а, как известно, жадинам вечно всего мало.

12
Бриджит

ТАББИ РЕЗКО ПРОВОДИТ расческой по моим волосам.

– Я ничего плохого не сделала. Это так, блин, типично. Все всегда верят парню. Ненавижу жить в этом мире.

Как будто у нас есть выбор.

Сегодня я иду в школу. Сегодня начало второй недели учебы и первый день тренировки к соревнованиям, поэтому Табби встала рано, чтобы заплести мои волосы в две французские косы. Точно так же она меня заплетала в прошлом году, когда я только пошла в старшую школу. В такие моменты я становлюсь суеверной, особенно если учесть, что в прошлом году у меня был большой прорыв.

«*У нее такой большой потенциал*, – сказал тренер Тейлор моему папе на моем первом забеге, когда я выиграла серебряную медаль, почти не готовясь. – *Она далеко пойдет*». Я не привыкла к вниманию, но мне было приятно.

«*Ей нравится быть в центре внимания*», – какой-то одноклассник сказал так о моей сестре.

То видео охватило Интернет подобно бушующему пожару. Журналисты оборвали наш домашний телефон. Понятия не имею, откуда они узнали наш номер, но им всем хотелось поговорить с Табби. По крайней мере, они так говорят, что хотят с ней поговорить, но на самом деле они хотят поговорить о ней. О ее характере, который внезапно стал легендарным.

– Мне жаль, – говорю я, пока ее пальцы методично перебирают мои волосы. – Это несправедливо.

– Жизнь несправедлива. – Она затягивает волосы так сильно, что мне больно. – Расскажешь потом, что обо мне люди болтают, ладно?

Табби отстранили от учебы на три дня за то, что она толкнула Лэнса Питерсона в коридоре, после чего мои родители решили, что лучше будет, если она не будет ходить в школу, пока все не уляжется. Детективы постоянно крутятся поблизости. Они уводят Табби, чтобы поговорить с ней, и оставляют полупустые чашки с остывшим кофе на нашем гранитном кухонном столе. Мама и папа уверены в том, что все наладится, что жизнь снова вернется в прежнее русло. Я же в этом не уверена.

Мне кажется, что все станет только хуже.

– Расскажу, но пропусти это мимо ушей. Они все неудачники.

Даже не знаю, почему она хочет знать все эти слухи, почему она так отчаянно следит за каждым словом, будто все это ей жизненно необходимо. Наверное, ей скучно сидеть дома. Понятия не имею, чем она весь день занимается.

Табби обвивает руки вокруг моей шеи и прижимает меня к своей груди. В зеркале, висящем в ванной, я рассматриваю наши лица, прижатые щека к щеке. Мы похожи друг на друга, но в то же время так сильно отличаемся. У Табби ярко-синие глаза, на ее носу веснушки, появившиеся летом. Ее волосы имеют естественный рыжеватый оттенок, как и у меня, но она красит их в черный с тех пор, как мы переехали в Колдклифф. «Цвет воронова крыла» – именно так написано на коробке с краской для волос.

– Чем сегодня будешь заниматься? – спрашиваю я.

Она закатывает глаза, все еще прижимаясь щекой к моему лицу.

– Я не знаю. Элли принесет мне домашку после уроков. Думаю, я найду, чем себя развлечь.

По какой-то причине мне не нравится мысль о том, что Табби будет одна дома.

Я не отрицаю того, что у нее взрывной характер. Я ее сестра и видела его проявления чаще, чем кто-либо. Когда мы были маленькими, она отрезала волосы всем нашим Барби лишь потому, что у меня была кукла, которую хотелось ей, но я отказывалась меняться. После того, как они расстались с Бэком, Табби пошла на наш задний двор и начала кричать во все горло. Она просто орала в небо. Как будто громкие крики могли чем-то помочь. Может, они и помогли. Я к тому, что когда ты девочка, то тебе постоянно говорят, чтобы ты вела себя потише.

– Иди и убей всех наповал, – говорит она. – Покажи всем, чего ты стоишь.

Убей всех наповал. Не самый удачный выбор слов. Но именно это мне и нравится в моей сестре: она ни под кого не подстраивается, пытаясь подобрать нужные слова в любой ситуации. Она говорит то, что пришло в голову, и думает о последствиях позже. Это похвальное качество, которое у большинства людей почти не встречается.

Когда я возвращаюсь домой с тренировки, мои французские косы по-прежнему идеально заплетены. У меня получилось проявить себя – не зря же я проводила лето, бегая каждый день.

Табби сидит за обеденным столом, скрестив ноги на стуле. Она не одна.

Вместе с ней за столом сидит коп.

Ясное дело, что копы уже допрашивали Табби. И, как я говорила, копы и детективы постоянно крутятся где-то поблизости. Что им еще от нее нужно?

– Привет, Бридж, – говорит Табби, поворачиваясь ко мне. – Это Стюарт.

В ее голосе звучит скука.

Я тереблю застежку-молнию на кофте, представляя, как хорошо было бы застегнуть ее и спрятаться. Как хорошо было бы так же скрыть все то, что я думала о Марке. Все то, что я ему говорила.

И то, что я ему сделала.

– Детектив Стюарт, – поправляет он. Он явно злится. Ему не нравится моя сестра. Она рассказала мне об этом, когда вернулась домой после первого допроса с красными помутневшими глазами. «*Тот коп ненавидит меня, Бридж*».

– Что он тут делает? – спрашиваю я, и как только я это произношу, я понимаю, насколько грубо звучат мои слова. Я говорю о нем так, будто его нет в комнате. – Я просто… Я просто думала, что он с тобой уже много раз беседовал.

– Так и есть, – отвечает Стюарт… детектив Стюарт. – Я пришел, чтобы поговорить с тобой, Бриджит.

ЕЖЕДНЕВНЫЙ ОБЪЕКТИВ

12 сентября 2019

Девушка туриста подозревается в убийстве после обнаружения рюкзака

Автор: Брайс Джулс

Почти четыре недели спустя после того, как принстонский двадцатилетний студент Марк Форрестер был найден мертвым в колдклиффской реке Клеймор-Крик, полицейские водолазы обнаружили рюкзак, набитый камнями. Этот рюкзак предположительно был на Форрестере, когда тот падал в воду с Раскола высотой более двенадцати метров.

Учетная документация магазина спортивного и туристического снаряжения в Боулдере подтвердила, что девушка Форрестера – семнадцатилетняя Табита Казинс – приобрела этот рюкзак в качестве подарка на день рождения, который был в конце июня. С момента смерти Форрестера Казинс находилась под пристальным вниманием общественности, и на

прошлой неделе в Интернете набрало популярность видео, где она нападает на своего одноклассника.

От комментариев Казинс отказалась.

13
Киган

– ЧТО СМОТРИШЬ? – спрашивает Кайла. Она подходит сзади, в то время как я сижу на своем старом вельветовом диване, и обвивает руки вокруг моей шеи. Как-то она назвала это «ожерельем Кайлы». По мне, так оно больше похоже на удавку.

– Ничего, – я закрываю ноутбук.

(Я снова смотрел то видео. Оно продолжает появляться на разных сайтах. И да, именно такая она и есть на самом деле. Я так рад, что у кого-то хватило духу опубликовать ролик. Думаю, это сделала какая-нибудь девчонка из школы Табби. Интересно, чем Табби ей насолила.)

Дай угадаю. Тебя обдурили. Ты думаешь, что Табби никак не причастна к тому, что случилось с Марком. Наверное, мне не стоит тебя в этом винить. Я к тому, что многие также попались на эту удочку. В «Фейсбуке» есть группа, – «Котики Табби», – посвященная тому, насколько несправедливо льется поток дерьма на нее в СМИ. Я думаю, эта группа по большей части состоит из похотливых парней, которые надеются, что Табби даст им шанс. Готов поспорить, они будут писать ей письма, если она окажется за решеткой.

Ясное дело, я надеюсь, что именно там она и окажется.

Я могу рассказать абсолютно другую историю о Табби Казинс, которая начинается со дня нашего знакомства и заканчивается днем смерти Марка. В тот день Марк знал, что что-то было не так. Он, черт побери, это знал.

Я могу показать тебе последнее сообщение, которое он мне скинул перед тем, как они отправились в поход. Я уже показывал его полиции, хотя знал, что это ничего не докажет. Он не упомянул имени Табби, но ему и не нужно было.

Я дам тебе знать, как все прошло, но я не думаю, что все пройдет гладко

И это, черт возьми, не звучит зловеще?

Табби даже не нравилось проводить время на свежем воздухе, если не считать тех случаев, когда она выходила на улицу, чтобы покурить во время вечеринки. И затем вдруг она захотела отправиться в поход. Даже предложила Мейфлауэрскую тропу – длинную, с резким подъемом, ведущую к той злополучной смотровой площадке. Когда она упомянула о тропе впервые, Марк рассказал мне об этом, закатывая глаза, будто такому никогда не бывать. Точно так же он закатывал глаза, когда она говорила, что бросит пить или перестанет ревновать Марка к каждой девчонке, которая посмотрела в его сторону.

– Давай сходим куда-нибудь, – говорит Кайла.

Она всегда хочет куда-нибудь сходить, и раньше мне это нравилось. Она общительная, и еще она загорелая блондинка. Уверен, многим парням в ней именно это и нравится. Однако она так легко забывает о том, что я работаю в продуктовом магазине и не могу позволить себе постоянно водить ее на свидания. К тому же в Колдклиффе некуда ходить, если не считать сомнительного бара в западной части города, где собираются байкеры, и нескольких неприлично дорогих ресторанчиков в центре.

Мне лучше было бы сфокусироваться на собственных отношениях, но ладно. Кто-то же должен тебе рассказать всю правду о Табби, и я тот, кто тебе нужен.

Она мне никогда не нравилась. Это не секрет. Встречаться с ней было плохой идеей. Я решил, что Марку нужно было попробовать и успокоиться. Да, я понимаю, почему соблазн был так велик. Со старшеклассницами ты можешь почувствовать себя настоящим мужчиной. Ты воплощаешь в жизнь их фантазию о парне из колледжа. Не кидай в меня камнями за мои слова, потому что ты знаешь, что считаешь точно так же. И, честно говоря, мы не знали поначалу,

что она еще учится в школе. Эта ложь была одной из первых. На ней и Элли почти не было одежды, зато на них была тонна макияжа. Кто вообще так наряжается для игры в мини-гольф? Марк и Табби спорили весь вечер. Я знал, что ему хотелось секса. Марк все еще приходил в себя после расставания с той девочкой – Сашей, – которая все время отмалчивалась. Марку хотелось выпустить пар.

В конце вечера Марк и Табби сидели на заднем сиденье моей разваливающейся «Хонды Цивик», едва не выцарапывая друг друга глаза. Мы с Элли сидели спереди, как будто были их сопровождающими. Я почти слышал, как Марк шептал мне в ухо, чтобы я подкатил к Элли. В обычной ситуации я бы так и сделал, потому что она была рядом и, наверное, была не против, но я просто чувствовал, что это ни к чему хорошему не приведет. В общем, руки я держал при себе.

Марк не держал. Он постоянно трогал Табби. Его ладони оказывались то у нее на плечах, то на заднице, то он запрокидывал ей голову назад, чтобы поцеловать.

– Чувак, она, может реально оказаться той самой единственной, – сказал он мне по пьяни.

Я беседовал с копами дважды. Дело ведут по крайней мере двое и лично я доверяю детективу Стюарту. Он тот, кто знает, что Табби виновна. Он продолжает задавать мне вопросы об отношениях Табби и Марка, и чем больше я о них рассказываю, тем больше понимаю, насколько дерьмовыми они были.

Они вечно ругались, постоянно находились на грани расставания. Это была их фишка. Знаешь эти парочки, с которыми не хочется тусить, потому что они весь вечер будут пытаться перегрызть друг другу горло? Так вот, именно такой парочкой были Табби и Марк. Она начинает на него кричать, а он скажет что-нибудь, зная, что это подольет масла в огонь. Обычно он говорил что-нибудь о своих грандиозных планах после колледжа, и они с Табби начинали грызться на глазах у всех.

– Ты чертов придурок, – как-то сказала она ему. – Ты думаешь, что все знаешь. Ну так вот, ты не знаешь ничего.

Марк ничего не ответил, и это разозлило ее еще больше.

– Просто подожди, – выплюнула она. – С тобой произойдет такое, чего ты не предвидел.

Оглядываясь назад, я понимаю, что все то, что она говорила, было скрытой угрозой.

Марк говорил так, будто поход был довольно спонтанным решением, но я уверен, что она все планировала, наверное, еще задолго до того, как кто-то мог что-либо заподозрить.

Ты спросишь, почему я ничего не сказал, раз знал, что Табби так себя вела. Но это был лишь взгляд со стороны. Когда они не хотели перегрызть друг другу глотки, они хотели сорвать друг с друга одежду. Такое ощущение, что существующая искра между ними постоянно разгоралась до максимума. Они не умели быть вместе, не бросаясь из крайности в крайность.

– Почему бы тебе не порвать с ней? – не раз говорил я Марку.

У него на это всегда был один и тот же ответ.

– Я не могу просто взять и избавиться от этой девчонки. Тебе не понять.

Я ненавидел эту последнюю часть. *Тебе не понять*. Как будто Марк испытывал такие глубокие чувства, которых я никогда не испытывал и даже, возможно, никогда не испытаю.

Стюарт спрашивал меня, что значило то последнее сообщение от Марка.

– Марк собирался расстаться с Табитой?

Да, именно так он задал вопрос, как смущенный отец, который пытается поговорить о твоих отношениях.

– Я не знаю, – ответил я ему. – Он сказал, что собирается, пару недель назад. Потом он передумал. За этим сложно уследить.

Марк действительно сказал, что порвет с ней. Это было на вечеринке, за неделю до того, как он умер.

– С ней очень трудно справляться, – сказал он под конец ночи, пока Табби плакала в ванной. – Думаю, я должен просто порвать с ней. Начать новый учебный год без багажа.

После он больше не возвращался к этой теме. Может, он подумал, что они смогут все исправить. Марк любил заниматься исправлением и ремонтом того, что другие люди попросту бы выкинули. Когда мы только получили водительские права, ему нравилось колесить по округе в поиске хлама, который люди выставляли на обочины в дни сбора мусора. Столы с отсутствующими ножками, старые посудомоечные машины и кресла в пятнах, которые выглядели так, будто из них всю набивку выпотрошили. Я помогал Марку грузить этот хлам в кузов пикапа его отца, и когда мы возвращались к его дому, мы все это перетаскивали в подвал, где Марк потом начинал творить магию. В будущем он хотел превратить это в дополнительный заработок. Ну, знаешь, в свободное время от работы преуспевающим юристом.

Так что неудивительно, что он думал, что может исправить Табби, подлатать то, что между ними было такого глубокого и такого важного. Марк был так ослеплен той властью, которую она имела над ним, что он не видел, что видели все остальные: эта девушка сломана.

Причиной его смерти стало утопление, и вот теперь нашли рюкзак. Падение его не убило, а убила чертова речушка. В этом нет никакой логики. Марк был чемпионом по плаванию, и он не утонул бы. Что-то другое было причиной его смерти. Кто-то.

– Мне скучно, – сказала Кайла, обиженно надувая губки, думая, что это делает ее милой. – Поиграй со мной.

Я не хочу с ней играть. Но я также не хочу, чтобы она от меня отдалялась.

14
Бриджит

ТЫ ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ, о чем мы разговаривали со Стюартом, но я ничего не стану тебе рассказывать. Мне нельзя об этом говорить, и я не буду. По крайней мере, пока что.

О чем я буду говорить, так это о рюкзаке, потому что с ним все было не так, как думают люди.

Вот что произошло на самом деле. Табби попросила меня пройтись с ней по магазинам, чтобы купить Марку подарок на день рождения. Она хотела купить ему что-нибудь особенное.

– Я не смогу тебе ничем помочь, – сказала я ей. – Я понятия не имею, что нравится парням его возраста.

Я не знаю, что нравится парням любого возраста. Я знаю только то, что им не нравлюсь я. Или же они меня просто не видят. По крайней мере, не в том свете, в котором видят Табби. Мне пятнадцать, но выгляжу я скорее на двенадцать. Я «*такая миленькая*», «*очаровательная*» и еще мама моей подруги Лорен однажды назвала меня «*прелестной*», отчего мне захотелось умереть на месте. Я должна быть уже сексуальной. Мальчики начали обращать внимание на Табби, когда она еще ходила в среднюю школу. Появившиеся округлости изменили то, как на Табби сидела одежда, и выделили ее из толпы.

– У тебя всегда хорошие идеи. Ну же, не вынуждай меня тебя умолять.

Я и не стала. Я позволила Табби схватить себя за руку в торговом центре и затащить в магазин спортивного и туристического снаряжения в Боулдере – в магазин, куда она, как я думала, никогда бы даже не зашла. Это было место для людей, любящих проводить время на природе, для тех, кто любит попотеть.

– Что ты собираешься ему купить? Новый спальный мешок?

Насколько мне было известно, Марк не любил проводить время на природе настолько же сильно, насколько не любила моя сестра. Он был пловцом, так что его вторым домом был бассейн.

– Нет, – сказала она. – Кое-что другое. Я хочу его удивить.

Профиль Марка в «Инстаграме» был открытым. Я уверена, тебе удалось его просмотреть перед тем, как его удалили. В общем и целом это были хроники любимца публики. Полюбуйтесь на великого чемпиона по плаванию, победоносно поднимающего руки. Посмотрите на него, загорелого, отдыхающего на пляже, с бритой безволосой грудью. А вот он на вечеринке держит в каждой руке по напитку и приобнимает двух девушек.

«Инстаграм» же моей сестры представляет собой шоу Табби и Марка. Поцелуй на садовых качелях. Тесные объятия на террасе у Элли; Табби и Марк блестят от испарины, выступившей от летнего зноя, они вдвоем одеты в джинсовые шорты и майки. Говорят, будто женатые пары начинают выглядеть одинаково – не знаю, правда ли это, потому что мои родители выглядят так, будто им скучно, – но правда в том, что Табби всегда начинала походить на своих парней. Поначалу это проявлялось в мелочах. Когда она была с Бэком, она купила себе кожаную куртку.

Затем Табби меняется в другом ключе. Она начинает имитировать характер и манеры поведения. Когда она была девушкой Бэка, то я стала для нее «сладкой», а моим родителям нужно было «расслабиться». Может, она даже не осознает, что так делает.

Табби остановилась ненадолго в отделе женской одежды, чтобы пощупать край спортивного бра. Затем я проследовала за ее взглядом мимо ковриков для йоги и кроссовок прямо до стены, на которой были представлены рюкзаки. Некоторые из них были почти с меня ростом – такие люди берут с собой летом в поход по Европе.

– Марк, что, планирует поездку? – спросила я.

– Нет. В смысле, может быть. Мы говорили с ним о том, чтобы отправиться куда-нибудь. Но не раньше того, как я окончу школу. Я ищу что-нибудь вроде этого, – она сняла с крючка рюкзак с камуфляжным принтом, держа его, как только что полученную награду.

– Он, эмм… как бы уродливый.

– Еще какой уродливый. Но Марку понравится. Он сказал мне, что хочет больше ходить в походы и заниматься всякой ерундой на свежем воздухе. Я пытаюсь поддерживать его в этом. Понимаешь, у этого рюкзака есть отделения для бутылок с водой и всего остального.

– Ясно, – ответила я. – Как скажешь.

Мы пошли расплачиваться. Я рассматривала ассортимент замороженной и сублимированной еды возле кассы со смесью любопытства и отвращения.

– Он хочет, чтобы я сходила с ним в поход по Мейфлауэрской тропе до конца лета, – сообщила Табби. – Это же там у тебя были региональные соревнования в прошлом году? И куда мы с тобой как-то раз ходили на пробежку?

Меня удивило, что Табби это запомнила, но я позволила приятному чувству, подобному растаявшему маслу, затопить меня изнутри. В памяти у меня осталась не столько золотая медаль, сколько Табби, кричавшая в первых рядах на финише. Она подняла руки вверх, ее футболка задралась, оголяя живот. На земле перед ней валялась табличка из бристольского картона, на которой краской с блестками было выведено: «Я ♡ Бридж!!!!!».

– Ага, – подтвердила я. – Мейфлауэрская тропа. Там куча корней. Практически все время нужно смотреть под ноги.

– Возьму на заметку, – сказала Табби.

Когда мы дошли до машины, она поблагодарила меня. Рюкзак висел у нее на плече. На ней он смотрелся забавно: камуфляж на фоне розовой майки.

– Я же ничего не сделала, – сказала я.

– Типичная Бридж. Тебе всегда кажется, что ты ничего не сделала. Иногда простого присутствия рядом вполне достаточно.

Именно благодаря таким вещам, сказанным Табби, я вспоминала, насколько глубокий и чуткий она человек. Люди склонны думать, что девушки вроде Табби весьма поверхностны, что если тебе нравится макияж и вечеринки, то ты не можешь одновременно любить книги и быть неравнодушной к мировым проблемам. Табби оторва. Я рабочая лошадка. Она более женственная. Я более спортивная. Она развратница, а я скромница. Она плохая, а я хорошая. Вселенная всегда пытается разделить девушек надвое. Наполовину ангел, наполовину демон. Неудивительно, что многие из нас превращаются в чудовищ.

Я знаю каждый сантиметр Мейфлауэрской тропы: каждый корень, каждую кочку на земле, каждые поворот и извилину. Тропа для меня как книга, чей сюжет в первый раз меня удивил, но больше не удивляет, потому что я все теперь знаю наперед.

– Там легко потеряться, – говорю я. Меня обдало горячим воздухом, когда я открыла дверцу машины со своей стороны.

– Хорошо, что ты нарисовала мне карту, – сказала она мне и подмигнула.

Я никогда Табби об этом не рассказывала, но как-то, пробегая по тропе летом, я почувствовала кое-какой новый запах помимо земли и старых листьев. Затем я услышала смех. Это была группа парней, сидевших на поваленном дереве примерно в трех километрах от моего маршрута, там, где заканчивается тропа Сайдер-Крик и начинается Мейфлауэрская тропа. Табби ненавидела, когда я бегала в лесу одна.

– Это опасно, – говорила она голосом строгого родителя, который звучал куда строже, чем у наших мамы с папой.

– Я знаю, куда бегу, – всегда отвечала я ей с вызовом, хотя мне нравилось то, что она за меня переживает. По какой-то причине было здорово делать что-то опасное, зная, что кто-то за тебя беспокоится.

– Да, знаешь. Не в этом проблема, – продолжала она. – Проблема в том, что кто-то помимо тебя тоже это знает.

Она заставила меня пообещать ей, что я не буду бегать в наушниках. «*Никогда не знаешь, кто может за тобой наблюдать*», – сказала она мне. В общем, обещание я сдержала. К тому же мне нравится слышать, как мои ноги соприкасаются с землей и как мое дыхание становится саундтреком к пробежке: более затрудненное и тяжелое – вверх по Соляному холму, почти что свистящее – при спуске. Единственными людьми, которых я встречала так глубоко в лесу, были туристы или знакомые мне две женщины средних лет с завязанными на поясе свитерами и с парой английских борзых, бегущих впереди них.

Только вот в тот день я увидела парней. Затем я рассмотрела, кто был среди них: Марк и его друг Киган – тот, который не нравился Табби. У Марка было что-то в руке. Дурь. Не пойми меня неправильно, у меня нет претензий к людям, которые употребляют. Но Марк был всегда мистером я-против-наркотиков, моделью для детского плаката «Не убивай клетки мозга!». Я слышала, как он не раз отчитывал мою сестру за употребление алкоголя перед тем, как они отправлялись на какую-нибудь вечеринку, хотя сам он тоже выпивал. Я также помню, как он сказал Табби, что не может поверить в то, что она попробовала курить травку, ведь сам он был выше всего этого.

Взгляд Марка метнулся ко мне, после чего опустился вниз. Он решил сделать вид, что не знает меня. В тот момент, когда наши взгляды пересеклись, в его глазах было что-то вроде предостережения. *Не рассказывай ничего своей сестре*. Я чувствовала, как другие парни глазеют на мои голые ноги и обнаженную полоску кожи на животе, не прикрытую спортивным топом. Они смотрели на меня именно так, как мальчики никогда прежде не смотрели на меня, но их всеобщее внимание не придало мне уверенности в себе, как я ожидала. Впервые в жизни я испугалась леса: девушка среди деревьев, слишком далеко, чтобы хоть кто-то услышал ее крики. Впервые в жизни я развернулась и побежала назад вместо того, чтобы закончить привычный маршрут.

– Сам ей все расскажешь! – крикнула я через плечо, набирая скорость под дружный хохот парней.

Люди говорят, что Табби – нехорошая девушка. Но я выросла вместе с ней, а не они. Это она приносила мне суп в постель, когда я болела, а не они. Это она отвела меня к парикмахеру, чтобы исправить мою неудачную попытку покрасить волосы самостоятельно, а не они. Эта она плакала у меня на плече, когда ее первый парень бросил ее из-за того, что она не хотела с ним спать, а не они. Это она при мне рвала и метала, когда ее первый парень распустил слухи о том, что она бревно в постели – в постели, в которой она даже не была. Не они.

Они не знают мою сестру. Я знаю.

В тот день я задалась вопросом, насколько быстро я смогу бежать по лесу. Может быть, Табби пришлось думать над этим же.

15
Слейт Форд (продавец в магазине туристического и спортивного снаряжения)

А, та девушка? Она была в магазине, задавала кучу вопросов. Конечно же, я подошел и помог ей. С красотками всегда хочется поболтать.

Она сказала мне, что собирается в поход. Не уточняла, куда именно. Сказала, что пойдет со своим парнем. Я подумал, что парня она выдумала, чтобы я к ней не клеился.

Она спросила про куртки. Сказала, что поход будет долгим. Потом про обувь. Сказала, что не хочет, чтобы на ногах было что-то тяжелое.

Потом она взяла в руки треккинговую палку и сказала, что *это может быть орудием убийства*. Посмеялась. Я тоже посмеялся, ведь она шутила. Может, даже флиртовала. Она ушла, ничего не купив, а я не набрался смелости, чтобы пригласить ее на свидание.

Люди скажут, мол, это естественно, что она была в магазине, раз собиралась идти в поход. Но я читал в новостях, что якобы идея похода возникла в середине августа и что это была его идея.

Если это правда, то какого черта она говорила о походе в нашем магазине еще в мае?

Выдержка из дневника Табби

13 сентября 2018

Я давно ничего не писала, но я была занята. Марк вернется в Принстон, и теперь все сложно. Я знала, что будет трудно, но я думала, что мы все равно будем нами. Я все еще я, но он больше не такой, каким был. Он стал человеком, у кого нет времени на меня, по крайней мере нет времени, которое он обещал проводить со мной. Плюс я не могу перестать следить за его «инстой» и видеть на фотках других девушек. Он сказал, что мы будем созваниваться по «Скайпу» каждый вечер, но у него вечно появляются какие-то оправдания. Например, ему нужно лечь спать пораньше из-за тренировки, только вот потом я вижу, что кто-то отметил его на фото с вечеринки. Раньше он отвечал на мои сообщения сразу, почти до того, как я успевала нажать «отправить». Теперь я жду ответа от него часами.

Может, у меня просто паранойя. Я пытаюсь быть спокойной, но это тяжело. До его возвращения остался месяц (он приедет на вечер встречи выпускников). Может, мне нужно сделать так, чтобы он по мне посильнее соскучился.

ВЕДОМОСТИ
16 сентября 2019

Карта и дневник найдены в доме девушки погибшего туриста
Автор: Салли Келли

В результате поисков, проведенных в Колдклиффе, штат Колорадо, где проживает семнадцатилетняя Табита Казинс, была обнаружена карта, ведущая к Расколу – смотровой площадке, с которой 16 августа упал и разбился насмерть двадцатилетний Марк Форрестер – парень Табиты. Карта была нарисована от руки, однако еще не доказано, что именно Казинс ее нарисовала.

Также был изъят личный дневник Казинс, который она вела, но полиция не распространяется о том, что в этом дневнике говорится об отношениях

Казинс с Форрестером. Улики должны быть проанализированы в ближайшие недели. Пока что, как ранее сообщил «Колдклиффский вестник», полиция продолжает расшифровывать данные переписок и телефонных разговоров Казинс за несколько недель до рокового похода.

16
Элли

Я НЕ ПОНИМАЮ, как все так быстро изменилось: как Табби превратилась из вдовы Марка (ужасное выражение, но я его где-то услышала, и оно засело в голове) в подозреваемую. В *фигурантку дела*, как она сама выразилась. Потому что смерть Марка больше не считается трагедией или несчастным случаем.

В общем, теперь смерть Марка – это убийство.

И, насколько всем известно, вместе с ним в лесу той ночью был только один человек.

Я не знаю, дело в том видео на «Ютубе» или в том, что нашла полиция, но не предала огласке, однако все теперь по-другому. Табби практически посадили под домашний арест, а полицейские получили ордер на поиск улик у нее в телефоне. Вчера она звонила мне с домашнего телефона родителей.

– Пронесет, – сказала она со смешком. Понятия не имею, как она может шутить сейчас.

– А если нет? – спросила я. – Что, если они правда подумают, что это ты его убила?

– Они уже так думают, Элли. Но у них ни черта не получится доказать.

Должно быть, под всем этим фасадом ей страшно. Должно быть, она в ужасе. Но Табби никогда не выкладывает все свои карты на стол. Она редко дает другим знать, что ей больно. Даже мне. Я ее лучшая подруга, но она все равно пытается меня защитить от чего-то. Возможно, от самой себя.

У меня с Лу Чемберлейн совместный первый урок английского. На людях она со мной мила и приветлива и всегда присылает мне в сообщениях в «Фейсбуке» приглашения на свои вечеринки, однако это именно она опубликовала то видео.

Она стала причиной того, почему все взгляды прикованы к Табби. Около двухсот тысяч просмотров – сколько же людей успели посмотреть то видео перед тем, как его удалили? У меня перед глазами все еще мелькают комментарии – все то, что говорили люди: «*Жестокая. Сумасшедшая. Психопатка*».

Я говорила всем, кто был готов меня выслушать, что Лэнс ее спровоцировал. Никому нет до этого дела. У них появился общий враг, и теперь ее нужно сжить со света.

Я заставляю себя подойти к парте Лу, хотя я ненавижу разборки.

– Зачем ты это сделала? Зачем ты опубликовала то видео? Ты хоть понимаешь, что ты сделала с Табби?

Лу изгибает светлую бровь. Она хорошенькая, но ничем не примечательная. Не понимаю, что Бэк в ней нашел. Может, цивилизованность. Или же у него больше не было других вариантов.

– Что я такого сделала? Моя хорошая, кто-то же должен был это сделать. Не стоит злиться на гонца.

– Что ты имеешь против нее? Она ничего тебе не сделала.

Лу прищуривает взгляд, будто впервые меня видит.

– Наверное, ты не знаешь ее настолько хорошо, как думаешь. Может, ей именно этого и хотелось.

Я сжимаю кулаки и представляю, какую отметину они оставят на нежной коже Лу.

– О чем ты, черт возьми, говоришь вообще?

– Просто… Забудь. Но, только честно, ты считаешь, что в ее версии истории все сходится? Подумай над этим. Все, чего я хочу, так это чтобы справедливость восторжествовала.

– Ты даже не была знакома с Марком, – говорю я. Это так. Они с Марком максимум побывали на нескольких вечеринках в одно время, но их отделяли друг от друга десятки людей. Они, наверное, никогда даже парой слов не перекидывались.

– Я и не утверждаю, что мы были знакомы, – отвечает она, – но он не заслужил такой смерти.

Иногда в темных закоулках сознания у меня возникает мысль, что Марк все это подстроил. Поход был его идеей. Очевидно же. Табби ненавидела физическую активность. Все атлетические способности в их семье унаследовала Бриджит. Мы с Табби шутили, что мы с ней самые ленивые люди, которые когда-либо существовали, что мы скорее две домашние кошки-переростки.

«Марк хочет отправиться в поход», – сообщила она мне. Мне кажется, это было в понедельник, незадолго до его смерти, когда мы были в «Общественном бассейне Броди». У меня есть бассейн на заднем дворе, но папа ненавидит за ним ухаживать, поэтому мы всегда ходим в общественный бассейн. Мне тут даже больше нравится. Больше возможностей кого-нибудь заметить и быть замеченной кем-то.

– Марк тебя вообще знает? Это смешно. Что ты ему сказала?

Она расстелила свое полотенце на шезлонге.

– Я сказала, что у меня нет подходящей обуви.

Я села рядом с Табби и скинула с ног шлепанцы.

– А он что?

– Сказал, что мне не нужно из-за этого беспокоиться, что я могу просто надеть беговые кроссовки Бридж. Мне же нужно проявлять интерес к его хобби, верно? Марк говорит, что его тренер посоветовал ему кроме бассейна заниматься дополнительной физической активностью. Типа, нужно работать над укреплением мышц ног и прочим.

– Может, и нужно, – сказала я. – Но разве он интересуется твоими хобби?

Я не видела глаза Табби из-за солнцезащитных очков, но я представила, как она их закатывает.

– Хобби смотреть все те реалити-шоу, что мы с тобой смотрим? Я же не вступаю в спортивную команду. Даже не собираюсь.

Я знала, что этот спор мне не выиграть. Мне и не хотелось спорить. Мы с Табби почти не ссорились, но когда это случалось, мы были похожи на два противоположных грозовых фронта, которые мчатся слишком быстро, чтобы их можно было остановить. К тому же между нами все еще царила напряженная прохладная атмосфера после моего признания на прошлой неделе, поскольку Табби хотела притвориться, что не слышала тех вещей, которые я прошептала ей в темноте. Так было проще.

«Я видела его с другой девушкой. Было темно. Я не поняла, целовались ли они, но их лица находились очень близко друг к другу…»

– О, прекрасно, – сказала Табби, вытягивая ноги. – На нас смотрят.

Я резко втянула в себя воздух, когда увидела, кто за нами наблюдает. Лу. На ней был купальник в горошек с завышенной талией – имитация того, что я видела на Тейлор Свифт, когда она еще встречалась с Коннором Кеннеди. В общем-то, Лу всегда кого-то копировала.

– Просто не обращай на нее внимания, – сказала я, взяв бутылку с водой и желая, чтобы в ней было что-нибудь покрепче.

– Удивительно, что она пошла куда-то без своего *парня*, – сказала Табби с притворным ужасом.

– Он тоже тут, – пробормотала я, потому что Бэк был здесь, совершенно не вписываясь в здешнюю яркую и шумную атмосферу. Он стоял вполоборота и смотрел через забор из рабицы, которым был окружен бассейн.

Табби рассмеялась.

– Наверное, у него нет плавок.

Я задумалась над тем, что было у Бэка под футболкой. Татуировки. Тот, кто добровольно хотел нанести на кожу так много всего, не мог быть обычным парнем. Он был тем, кто не соглашался на что-то большее, чем минет на вечеринке.

Я ошибалась насчет Бэка. Я представляла, как смогу приручить его при помощи каких-то загадочных чар, которыми я не обладала. Я чувствовала, как его ладонь накрывает мою, как его волосы щекочут мое лицо, пока он покрывает мой люб поцелуями. Может, его молчание было тем, что мне больше всего нравилось в нем, его способность быть тихим, пока остальные были громкими. Я наполняла это молчание тем, что хотела слышать. Мне нравились собственные фантазии больше, чем реальность, чем то, кем он был на самом деле. И я позволила этим фантазиям все разрушить.

– Так ты реально пойдешь в этот поход? – с возмущением спросила я. Что угодно было лучше, чем мысли о Бэке.

Табби уставилась в небо. Поначалу я подумала, что она меня игнорирует, но затем ее слова прозвучали решительно и твердо.

– Я ради него на все готова, Элли. Прямо на что угодно. Иногда меня это пугает.

Табби – натура романтичная, и большинство людей этого не знают. Если ты окажешься с ней на одном уроке, ты, наверное, решишь, что она вообще не обращает внимания на учебу, потому что никогда не поднимает руку, чтобы ответить на вопрос. Она смеется над девчонками, которые любят романтические комедии, над девчонками, которые забывают о подругах, когда у них появляется парень, но сама она точно такая же. Она хотела сказку о большой любви.

Я подозревала, что Марк не разделял ее желаний. Но я не знала, чего именно он хотел вместо этого или же чего ожидал от Табби в тот день в лесу. Или же что он попытался сделать, когда она не оправдала его ожиданий.

Лу больше не обращает на меня внимания. Она рассматривает свое лицо в карманном зеркальце от Sephora.

– Может, и заслужил, – говорю я, в то же время звучит звонок, заглушая мой голос. – Может, он заслужил что-то и похуже.

> Ты вернулся на учебу всего несколько дней назад, но мне кажется, прошла вечность, пожалуйста, напиши, когда сможешь.
>
> *Текстовое сообщение от Табиты Казинс Марку Форрестеру, 13 сентября 2018, 6.52*

17
Бэк

Колдклиффский полицейский участок,
16 сентября, 15.05

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: Давай поговорим о твоих взаимоотношениях с Марком Форрестером.

БЭК: У нас не было никаких взаимоотношений. Просто чувак, которого я пару раз видел на вечеринках. Вот и все.

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: Просто чувак, которому ты почти сломал нос. Разве не так?

БЭК: Мы немного повздорили. Один раз. Такое случается, когда люди пьют на вечеринках. И это он первый начал. Чувак приревновал. Я думаю, он увидел, как Табби говорила со мной, и взбесился.

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: О чем вы с Табби говорили на той вечеринке?

БЭК: (хрустит костяшками). Я даже не помню. Просто болтали. Я много с кем болтаю ни о чем. Вот типа как сейчас с вами.

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: Ты пытался снова сойтись с Табитой?

БЭК: Нет. Если я разок поговорил с ней, это не означает, что я хочу снова залезть ей под юбку.

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: Марк не выдвинул против тебя никаких обвинений.

БЭК: Это потому что он знал, что вел себя как придурок и все заслужил.

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: Ты утверждаешь, что с Табби ни о чем особо не разговаривал. Но ты общался с ее подругой, Элеонор. Элли Росс. Ведь так?

БЭК: (выдерживает паузу). Нет, не так. Мы с ней не друзья. Какое отношение это имеет к тому, что произошло с Марком Форрестером?

ОФИЦЕР ОЛДМЕН: Мы к этому подходим.

18
Лу

У МЕНЯ НЕТ ВРЕМЕНИ, чтобы об этом разговаривать. У меня есть собственная жизнь, понимаешь? И я жду, когда Бэк за мной заедет. Ну да, ладно, он все равно всегда опаздывает. И я чувствую, будто моя обязанность состоит в том, чтобы показать людям ту Табби, с которой знакома я, а не ту ангельскую девочку, за какую она внезапно стала пытаться себя выдать. (Ну серьезно, она надела *кружева* в школу в день перед тем, как перестать ходить на уроки. Кто так делает вообще?)

Я помню, где я была, когда узнала о смерти Марка. Я лежала на кровати с маской для лица, ожидая, когда Бэк ответит на мое сообщение. Я написала ему последнее сообщение, и с тех пор прошло почти три часа (не то чтобы я следила за временем). Я о том, что Бэк приклеен к своему телефону точно так же, как и все. Когда мне пришло сообщение, я ожидала, что это от него. Иногда он мне писал, чтобы сказать, что он стоит у меня во дворе, и я, испытывая трепет, тайком шла вниз, чтобы встретить его, убедившись в том, что на мне надето какое-нибудь миленькое нижнее белье.

Но это был не Бэк. Это была моя подруга Триш.

«Ты слышала? Весь “Фейсбук” только об этом и говорит. Марк Форрестер умер. Какой-то несчастный случай во время похода».

Моей первой мыслью (да, она ужасна, и я больше никому об этом не скажу) была надежда на то, что Табби тоже умерла.

(Табби. Звучит так, будто это кличка чьей-то кошки, да? Если бы она была кошкой, то определенно одной из тех диких, у которых постоянно течка.)

О чем тебе нужно знать, так это о том, что произошло на последней вечеринке у Элли перед тем, как Марк умер. И, честно говоря, я не совсем уверена, что произошло, и я не знаю, почему Бэк прописал Марку в лицо, потому что он мне не сказал. Но я знаю, что это как-то связано со смертью Марка, будто это какая-то цепная реакция.

Если тебе доводилось быть на одной из вечеринок у Элли, ты знаешь, насколько безумными они могут быть. Она собирает тусовки пару раз в год, когда ее родители уезжают из города и тем самым, по сути, дают ей свое благословение. Эти вечеринки похожи на клишированные вечеринки из подростковых фильмов, где все заканчивается сексом в одной из спален на втором этаже. Не то чтобы я хоть раз занималась подобным на вечеринке, несмотря на то, что Бэк невероятно горяч и мы с ним делаем это чуть ли не каждый день.

Ну, почти. В общем, это не то чтобы твоего ума дело, так ведь?

И мы сейчас говорим не обо мне и Бэке, а о Табби и Марке. О том, что я видела. Во всяком случае, как я это помню. Все немного расплывчато. Я тогда выпила немного вина. Я обычно не пью. Не так, как пьет Табби. Я ненавижу людей, которые используют алкоголь, чтобы оправдать свое превращение в кого-то другого. Именно так моя мама поступила прошлым летом, когда изменила моему папе с каким-то левым мужиком, с которым она познакомилась в баре. Она отправилась развеяться с подругами и, судя по всему, когда вернулась, рассказала обо всем папе. Она только и повторяла: «Я выпила лишнего, я не понимала, что делаю». Какое удобное оправдание!

Короче, я немного захмелела и отправилась на поиски Бэка. Его трудно не заметить. От него веет опасностью и репутацией плохого парня. До него я встречалась только со спортсменами: футболистами, баскетболистами, бейсболистами. Они все были одинаковыми: скучные, предсказуемые, проявляющие больше интереса к своим мячикам – ха, – а не ко мне. Я не хотела, чтобы перед свиданием за мной заезжал парень в рубашке поло на «Хонде» своего

отца. Мне отчаянно хотелось чего-нибудь необузданного, под стать моему внутреннему безрассудству.

Я нигде не могла найти Бэка, что меня немного обеспокоило, потому что мы должны были вместе быть на вечеринке, и, может быть, чуть больше меня обеспокоил тот факт, что я не могу найти его, а это значит, что я все еще плохо его знаю, несмотря на то, что мы были вместе уже почти шесть месяцев. (Ну, в смысле, не то чтобы у нас с ним был разговор о том, что мы встречаемся, потому что, поднимая такую тему, я бы показалась назойливой, а мне не хотелось быть девушкой, которой нужно проставить статус отношений в «Фейсбуке», чтобы чувствовать, будто у нее есть парень. Хотя, между нами говоря, хоть какая-нибудь определенность не помешала бы).

Я понятия не имею, почему я открыла дверь домика у бассейна. Может, потому что все остальные двери я уже проверила. Я видела, как люди употребляют наркоту в этом домике на одной из предыдущих вечеринок у Элли, и это было очень мерзко. Так что я приоткрыла дверь совсем чуть-чуть, и в тот момент я видела спину Табиты. Она сидела на коленях у кого-то, чье лицо я не видела: было слишком темно, и я лишь смогла разглядеть спину Табиты в свете садового фонаря, который выхватил из темноты эту ее уродливую татуировку в виде плюща, вьющегося вверх по спине. На ее заднице лежали чьи-то ладони, а ее волосы почти полностью выбились из «рыбьего хвоста», с которым она пришла в начале вечера.

Короче, я развернулась, чтобы уйти – я не извращенка, которая подсматривает за людьми, которые занимаются сексом, – но я успела услышать то, что она сказала. Я услышала ее слова, и забыть их было невозможно: «*Это не значит, что я все еще тебя люблю*».

Странно такое говорить своему парню, верно? Я о том, что поначалу я подумала, что они с Марком поссорились и теперь развратно мирились, занимаясь сексом в месте, где их могут застукать. Но затем, может, через несколько минут, я увидела Марка в доме Элли, где он готовил коктейль. Это точно был он; на нем была еще эта розовая футболка, которую он, как я услышала, назвал *лососевой*. Так что я вышла на улицу. Дверь домика у бассейна все еще была закрыта, и Табиты нигде не было видно.

Да, может, моя хронология событий слегка расплывчата, но я правда не понимаю, как Марк успел закончить все с Табитой в домике у бассейна и перейти к шотам менее чем за пять минут, если, конечно же, он не живет двойной жизнью, как Кларк Кент и Супермен. Это означало лишь одно: Табита изменяла Марку с кем-то на той вечеринке.

Конечно же, мой мозг сразу же выделил подозреваемых. Во-первых, Киган – друг Марка, который всегда увязывался за ним на вечеринки, зная, что таким образом у него будет возможность с кем-нибудь переспать. (Я думаю, он наверняка пользовался успехом. Он довольно сексуальный, и, если бы я не знала, что он работает в сетевом супермаркете, то он был бы еще более сексуальным в моих глазах.) Я всегда задавалась вопросом, есть ли что-то между ним и Табитой. Просто иногда он смотрел на нее так, как хищное животное смотрит на свою жертву. Как змея. Складывалось ощущение, что если бы он открыл рот пошире, то смог бы проглотить ее живьем.

Во-вторых, Дин Хэнсон из футбольной команды. Кто-то, судя по всему, видел их с Табитой тайком выходящими из мужской раздевалки после игры «Красных флагов» на втором году обучения. И еще Рейд Картер, с которым, как всем известно, Табита переспала как раз перед тем, как сойтись с Марком. Или, может, в начале их отношений. Я бы не удивилась. О, и Дилан. Я не помню его фамилию, потому что он ходит не в нашу школу, но как-то на осенней ярмарке Кэти Сандерс видела их вместе на колесе обозрения, и его рука определенно была у нее в шортах.

Затем что-то в моей голове щелкнуло, и весь вечер тут же был испорчен, потому что я подумала: «А что, если это был Бэк?»

Не пойми меня неправильно. Я доверяю своему парню всем сердцем. Я доверяю Бэку. Я просто не доверяю Табите, и девушки вроде нее умеют заставлять парней делать то, что им нужно.

И ко всему прочему, хоть я и ненавижу это признавать, у Бэка и Табиты есть история. Он об этом не рассказывает. Но до того, как Табита удалила свою страничку в «Фейсбуке», я была у нее там в списке друзей и пролистывала ее старые фотографии профиля. Я нашла те, где они с Бэком были еще вместе – на втором году обучения, еще до того, как Табита с Марком стали встречаться. Она сидела у Бэка на коленях. Они целовались на какой-то вечеринке. Тогда они друг от друга не могли оторваться, а затем вдруг между ними все было кончено.

Я продолжала искать Бэка на вечеринке, потому что чувствовала, как впадаю в отчаяние, и мне нужно было убедиться, что там с ней был не он. Я снова вышла на улицу. Возле бассейна скопилась куча людей, и дверь домика у бассейна была открыта. Я не видела нигде Бэка, но я заметила Табиту. Она сидела на краю бассейна, опустив ноги в воду и глядя вниз, прикрывая ладонью рот.

Затем я нашла Бэка. Конечно же, я тут же узнала его спину. У него длинные светлые волосы, и он всегда носит кожаную куртку – это просто самое сексуальное, что есть на свете. Он лежал на шезлонге, стоящем возле забора, смотрел в небо и курил, хотя сказал мне, что курить бросил. Ты знаешь, что Бэк начал курить, когда ему было двенадцать? И когда мы с ним сошлись, я попросила его бросить, потому что я не хотела, чтобы он себя убивал. Он сказал: «Конечно, сладкая», и бросил, словно для него это было проще простого. Именно в тот момент я поняла, что он любит меня. Если по-честному, то на самом деле я попросила его бросить курить, потому что я ненавижу запах сигарет.

Итак, я подошла к нему и дотронулась до его плеча. Он взял мою ладонь в свою, словно мое появление его не удивило. Бэк никогда не показывает своего удивления. Или веселья, или грусти, или вообще хоть какие-то эмоции. Он очень умело скрывает свои чувства.

– Привет, сладкая, – сказал он. Он всегда называет меня «сладкой», и это мне казалось очень милым, но иногда мне хотелось, чтобы он произнес мое полное имя, как это делают парни по телевизору. «*Луиза Мария Чемберлейн, я люблю тебя*».

– Где ты был? – выпалила я. – Я тебя повсюду искала.

– Я все время был тут, – сказал он.

– Ты куришь.

Он бросил зажженную сигарету и раздавил ее ботинком.

– Уже нет.

– Ты сказал мне, что бросил курить, – сказала я, пытаясь продолжить злиться на него, но я уже чувствовала, как моя злость тает, превращаясь во что-то мягкое, как всегда это происходило в присутствии Бэка.

– Я бросил. Но иногда на меня что-то находит и мне просто необходимо выкурить одну. Ты не понимаешь, потому что никогда не была ни от чего зависима. – Он закинул руку мне на плечи и поцеловал меня в макушку.

«Я зависима от тебя», – хотела сказать я, но это было похоже на сопливую реплику из романтической комедии. Я промолчала. Знаешь, парней отпугивает, когда ты питаешь к ним сильные чувства.

Он не извинился за то, что курил, хотя обещал бросить. Бэк никогда ни за что не извиняется. Может, потому что он не чувствует вины. Я уткнулась в него носом и положила ладони на полоску обнаженной кожи в том месте, где задралась его куртка. Я втянула в себя его запах: натуральная кожа, пот и – не самый приятный – сигареты. Но ко всему этому примешивался еще один запах, я клянусь. Духи. Табби, должно быть, пыталась скрыть вонь своей гнилой души, потому что она всегда выливала на себя литры парфюма.

Я знаю, о чем ты думаешь. О том, что у меня паранойя, что я выдумываю всякое, потому что СМИ ополчились на Табиту. Я подливаю масла в огонь, тем самым проецируя собственные комплексы. По крайней мере, так бы сказала моя мама. Она психотерапевт, и это одна из многих причин, по которой я никогда ей ничего не рассказываю.

Но послушай. Бэк не смог просто взять и бросить курить, хотя сказал мне, что бросил. Может, он и от Табиты не смог совсем отказаться. И иногда, когда я очень сильно начинаю злиться из-за этого, я думаю, не причастен ли Бэк к смерти Марка. Были ли Табита и Марк в лесу одни в тот день.

Я знаю, это глупо и не имеет смысла. Бэк сейчас со мной, и я уверена, это не его я видела в домике у бассейна той ночью. Но кто-то был там, и мне кажется, что Табита действовала не одна. Девушки вроде нее всегда ищут того, кто сделает за них грязную работу.

ДЕНВЕРСКИЙ ЗОДИАК
17 сентября 2019

У погибшего принстонского студента в момент смерти в крови присутствовал алкоголь
Автор: Мэдисон Уэст

Результаты вскрытия показали, что в организме двадцатилетнего Марка Форрестера в день его смерти присутствовал алкоголь. Форрестер и его девушка – семнадцатилетняя Табита Казинс – отправились в поход к смотровой площадке колдклиффской Мейфлауэрской тропы, также известной как Раскол, и в результате Форрестер упал с площадки с высоты двенадцати метров. Причиной его смерти стало утопление, а Казинс, таким образом, превратилась в единственную подозреваемую в его убийстве.

Пока неизвестно, что окружной прокурор Энтони Пэксон и его команда будут делать с новыми уликами. Казинс продолжает утверждать, что Форрестер подошел слишком близко к краю и сорвался. Тем не менее в реке Клеймор-Крик был найден утяжеленный рюкзак, который позже опознали как рюкзак, который Казинс купила Форрестеру в магазине спортивного и туристического снаряжения в Боулдере.

Семья Казинс наняла высококвалифицированного адвоката Марни Деверо для защиты дочери. Вчера Деверо сказала прессе, что правда будет раскрыта и что невиновность ее подзащитной бесспорна.

19
Бриджит

МОРГНИ, И ТЫ НАС НЕ ЗАМЕТИШЬ. Мы люди, из которых состоит Колдклифф, и нас семь тысяч восемьсот. Позволь я тебя сориентирую. Ты стоишь на Колдклиффских холмах, что на севере, и именно здесь находится старшая школа. «Красиво», – наверняка думаешь ты. Посмотри на панораму гор.

Ты чувствуешь себя в безопасности? В этом уютном гнездышке, окруженном горами и зарослями деревьев, – наверное, да. Воздух здесь, должно быть, лучше, чем в твоих родных местах. Он свежий и бодрящий. Может, ты думаешь, что наши девушки выглядят целомудренными.

Приезжать в Колдклифф смысла нет. Правда. На нашей территории нет горных вершин в четыре тысячи метров, поэтому на нас не обращают внимание наиболее опытные скалолазы. Магазины у нас тоже оставляют желать лучшего. В любом случае, большинство из нас закупается в Интернете. Наш единственный торговый центр «Форест-Глен» маленький, и с каждым годом все больше магазинчиков в нем закрываются. Большинство людей покупает продукты в сетевом супермаркете Stop & Shop, расположенном на том же торговом уровне, что и ортопедический кабинет моего отца и оптика, где я заказываю себе очки.

У нас хорошие районы, а пригородные территории граничат с дикой природой. Большинство местных имеют доход выше среднего и живут в двухэтажных домах вроде нашего. У большинства из нас большие задние дворы. Большинство из нас ими не пользуется.

Что у нас есть хорошего, так это туристические тропы. Они привлекают сюда людей осенью, когда листва начинает менять цвет, – немногочисленных любителей активного отдыха в водонепроницаемой одежде и со спреем от черных медведей, которые, по их мнению, представляют наибольшую опасность в наших краях.

Если в последнее время ты следишь за новостями, то, наверное, ты можешь подумать, что сейчас появилась новая опасность.

И новая туристическая достопримечательность – моя сестра. Туристы собираются группами на тропах с картой, которую составил один веб-сайт. Карту называют «Расколи Раскол», и люди пытаются воссоздать последний поход Табби и Марка. Разве это нормально и по-человечески? Я не знаю, какой больной человек это придумал и какие ненормальные тратят на это время. Однако я видела в лесу туристов, потому что я хожу туда на пробежки.

Сегодня помимо этих баранов с картами я вижу кое-кого еще: брата Марка. Я узнаю2 его по волосам. У него светлые вьющиеся волосы, которые контрастируют с педантично побритой головой Марка. Ко всему прочему он в шлепанцах. Кто вообще ходит гулять в лес в шлепанцах? Только, наверное, он здесь не на прогулке.

Он видит меня. Я замираю, как олененок под прицелом ружья. Тем не менее мне не страшно. Он в шлепанцах, да и в этих лесах я чувствую себя как дома.

– Что ты тут делаешь? – спрашивает он. – Только не говори мне, что ты одна из этих, – он указывает средним пальцем на мужчину и женщину в одинаковых шортах хаки и с палками для трек- кинга.

– Я марафонец. Так что я бегаю. Ты правда думаешь, что я одна из них? – Я продолжаю бежать на месте рядом с ним. Ненавижу сбиваться с темпа.

– Я не знаю. Прости. Не хотел грубить, но эти идиоты действуют мне на нервы. Я Алекс. Ты же Бриджит, верно?

Я знаю, что он подразумевает под «ты же Бриджит». *Ты же сестра Табби.*

– Да, я Бриджит. – Я указываю на его ноги, потому что мне не хочется смотреть ему в лицо. Он слишком похож на Марка, если не считать стрижки и щетины. Те же глаза, тот же рот. – Не самый лучший выбор обуви для пеших походов.

– Я не в поход иду, – говорит он. – Я… Неважно. Забудь. Я просто чувствую себя ближе к нему, когда я здесь. И, судя по всему, все эти люди тоже, хотя они его и не знали.

Я тут же перестаю бежать и поднимаю на него взгляд, после чего сразу опускаю, потому что смотреть прямо на него тяжело. Может, у меня сложилось совсем неверное впечатление об Алексе, и он вовсе не жесткий парень, которого я видела на похоронах и который ненавидит мою сестру. Сейчас он выглядит печальным и потерянным. Я вспоминаю о Табби, которая, наверное, растянулась на диване и смотрит «Настоящих домохозяек». Может, вся эта ситуация вовсе и не окутана тайной, которую всем так хочется видеть. Может, это всего лишь история о погибшем парне и людях, которые скорбят по нему.

– Мои соболезнования, – говорю я, откидывая прилипшие к лицу волосы. Почему я чувствую себя такой виноватой? Я же не толкала Марка со скалы.

Но я сделала кое-что другое, и если бы я этого не сделала, все, может быть, сложилось бы по-другому.

– Позволь я спрошу у тебя кое-что, и, пожалуйста, ответь честно, – говорит Алекс. Я оглядываюсь по сторонам, чтобы убедиться, что мы одни. – Ты видела их в тот день, верно? Ты заметила что-нибудь необычное?

Я трясу головой и совершаю ошибку, встречаясь с ним взглядом. От его внимательных напряженных глаз у меня перехватывает дыхание. Сейчас Алекс особенно похож на Марка – на Марка в те моменты, когда ему чего-то хотелось.

– Нет. Они выглядели вполне нормально.

Я не уточняю, что нормальным для них было все то, что ненормально для других.

– Я просто пытаюсь во всем разобраться, – говорит он. – В смысле, я знаю о слухах. И я смотрел то видео. Все это – кромешный ад для моей семьи. Мы с Марком не часто разговаривали. Я лишь знал, что у него есть девушка, но я понятия не имел, все ли у них было серьезно.

У них все было слишком серьезно. Я вспоминаю о шкафчике Табби, о тех словах, что написаны в нем. Алекс даже не догадывается.

– Я возвращаюсь в Австралию на следующей неделе, – говорит он, – но если ты вспомнишь что-нибудь – дай мне знать. Ты знаешь, где мы живем, потому что я видел, как ты пробегаешь мимо.

Я сглатываю. В горле у меня пересохло.

– Мне пора. – Я разворачиваюсь и начинаю бежать, надеясь, что он не последует за мной.

– Марк упоминал, что не нравится сестре своей девушки, – кричит он, и его голос становится все громче. – Почему он тебе не нравился? Все обожали Марка.

Я перехожу на спринт.

Колдклифф уже не кажется мне таким безопасным.

Выдержка из дневника Табби

18 октября 2018

Как перестать любить кого-то? Мне очень нужно знать. Теперь Марк обижен на меня из-за того, что я рассказала Бэку о нас. Больше ничего не было, но Марк этому не верит. При этом я должна верить ему, когда он говорит, что у него ничего не было со всеми этими девушками из «инсты». Я даже ему это высказала, чтобы узнать, что он скажет. Он все вывернул так, будто у меня паранойя. «Ты единственная, – сказал он мне, – но продолжай в том же духе и перестанешь ей быть». Я чувствую себя такой одинокой.

ЭНЕРГИЯ КОЛОРАДО
19 сентября 2019

В деле об убийстве бойфренда появился новый свидетель
Автор: Дэвид Мосс

Шокирующие показания нового свидетеля из Колдклиффа, Колорадо, – сорокасемилетнего Эйба Хендрикса – подтверждают, что семнадцатилетняя Табита Казинс была замечена на пляже Крест-Бич собирающей камни в корзинку для пикника утром 16 августа в день смерти Марка Форрестера. Хендрикс позвонил на местную горячую линию полиции и дал показания. И хотя у него нет фотографий, подтверждающих его слова, он уверен в том, что тем утром видел на пляже именно ее.

Тело Форрестера было обнаружено в реке примерно в пятидесяти метрах от рюкзака с камнями, что привело следствие к предположению, что смерть пловца была не случайностью.

«Обычно я там один, – вчера сообщил Хендрикс «Колдклиффскому вестнику». – Было рано, даже не было семи утра. Солнце еще только начинало вставать. И тут эта девочка. Я об этом и не вспоминал больше, пока не увидел ее лицо в новостях».

Источник, который предпочел остаться анонимным, эксклюзивно для «Энергии Колорадо» поделился информацией о том, что Казинс и Форрестер не так давно ссорились на вечеринке у одной из подруг Казинс.

«Не было слышно, о чем они говорили, – сообщил источник. – Они ругались тихо. Затем она в гневе убежала».

Существует предположение, что Казинс изменяла Форрестеру с одним из своих бывших парней – Томасом Бэкером Резерфордом-третьим. Вероятно, она толкнула Форрестера, когда тот обвинил ее в измене во время похода. Однако окружной прокурор Энтони Пэксон утверждает, что убийство Форрестера было тщательно спланировано опасной девушкой. Защитница Казинс – высококвалифицированный адвокат Марни Деверо – продолжает настаивать на том, что обвинения против ее подзащитной «абсолютно необоснованны».

КОММЕНТАРИИ: (24 предыдущих)

Кофеман: Как удачно, что этот чел вдруг объявился. Не знаю, не знаю. Что-то во всем этом деле не сходится.

КэтиКэт: Даже не знаю, как она из этого выкрутится.

ПринцессаГорошина: Они ругались на вечеринке, потому что она спала с другим.

Быстрый01: Ну да, ты-то знаешь.

ПринцессаГорошина: Знаю, потому что я была там.

20
Киган

КАК БЫ СИЛЬНО Я НИ НАДЕЯЛСЯ, что Табби закончит в тюрьме, я не могу представить ее там. В смысле, ты можешь представить, как эта девчонка ест тюремную еду? Раньше она возмущалась и ныла по поводу ресторанов, куда ее водил Марк, словно эти места были недостойны ее персоны. Она заставляла его чувствовать себя неудачником за то, что он не угощал ее стейком каждый вечер. Ты представляешь, как парень себя чувствует, когда он рвет задницу, но этого недостаточно и никогда не будет достаточно?

Я сегодня в магазине – работаю в двойную смену, потому что мне нужны деньги и потому что я знаю, каково это, рвать задницу и все равно быть в минусе. У Кайлы нет замашек богачей. Она та девчонка, которая просто радуется тому, что ты уделяешь ей внимание. (Не говори ей, что я это сказал.) Только вот в последнее время, чем больше внимания я ей уделяю, тем больше ей его нужно.

Если бы Марк был здесь, он бы посоветовал мне не тратить свое время. Он бы сказал, чтобы я нашел то, в чем был лучшим. Для Марка существовало только первое место. Как-то раз он приплыл вторым на соревнованиях среди старших школ на дистанции в пятьдесят метров баттерфляем, и это был даже не основной заплыв. После соревнований у нас была тусовка у костра, и я видел, как Марк достал серебряную медаль из кармана толстовки и бросил ее в огонь, прямо под жарящиеся маршмеллоу и хот-доги. Я был в хлам пьян, но я никогда не забуду тот момент. Марк ненавидел проигрывать.

Я улыбаюсь пожилой женщине, которой пробиваю покупки. Людей всегда можно оценить по тому, что они покупают. Эта бабуля закупается уцененным мясом, которое завтра уже протухнет. С красного месива стекает кровяной сок прямо на конвейерную ленту. Я все равно улыбаюсь, потому что мне нужна эта паршивая работа, ведь у меня не хватает денег, чтобы свалить из этого города.

Марк бывал у меня в гостях лишь пару раз за лето. Он всегда был занят чем-то другим. Табби, наверное, или плаванием. В аквацентре на Колдклиффских высотах есть бассейн олимпийского размера. Марк очень злился из-за того, что произошло на чемпионате национальной ассоциации студенческого спорта. Типичный Марк; он винил лишь себя, но это была ее вина. Она позвонила ему ночью накануне соревнований и наговорила всякого. Такое ощущение, что она сделала это специально, чтобы он проиграл.

Я не поднимаю взгляд на следующего покупателя, пока не осознаю, что он ничего не покупает. Затем я замечаю форму и строгое лицо.

– Киган Лич, – говорит он, – когда у вас перерыв, чтобы мы могли побеседовать?

Я уже разговаривал с копами. По телефону Марка выяснили, что я был последним человеком, с которым он общался до того, как уехал с Табби. Я не особо стеснялся в выражениях, разговаривая с полицией. В смысле, я сказал им, что Марк думал по поводу всей этой идеи с походом, что он беспокоился из-за этого. Я показал им сообщение, которое он мне отправил, хотя я уверен, что они уже его видели.

Офицер Олдмен – именно так его зовут. Он не тот, с кем я раньше разговаривал. После смены я сижу на жестком стуле в полицейском участке и покрываюсь потом, потому что я ненавижу разговаривать с копами. Покажи мне хотя бы одного человека, который не чувствует себя виноватым в их присутствии, даже когда ему нечего скрывать.

– Киган, – он усаживается напротив меня, – спасибо, что пришел. Мы получили новую информацию по делу Марка Форрестера, и я надеялся, ты поможешь нам пролить свет на некоторые вещи.

Я откидываюсь на спинку стула, которая просто невероятно жесткая, и мне кажется, что это сделано специально, чтобы тебе было некомфортно.

– Один человек сообщил, что заметил Табиту Казинс на пляже Крест-Бич утром в день смерти Марка, он видел, как она набирала камни в корзину для пикника.

– Ясно.

Я уже читал ту статью. Все еще не могу представить себе Табби с корзинкой для пикника, всю такую невинную.

– Мы полагаем, что эти камни должны были утянуть Марка на дно Клеймор-Крик. Я уверен, ты знаешь, что в реке вместе с телом Марка мы нашли утяжеленный рюкзак – тот самый, наполненный камнями.

С телом Марка. Я, черт побери, не могу думать об этом так, будто это две разные вещи: Марк и его тело. Какой-то бред больного. Лучше вообще об этом не думать.

– Ага, – говорю я. – Я слышал про рюкзак.

Олдмен наклоняется вперед своим мощным телом. Он использует тактику запугивания. Я задаюсь вопросом, он ли допрашивал Табби. Интересно, удалось ли ему ее сломать. Зная Табби, я скорее предположу, что это он под нее прогнулся.

– Мы думаем, что в тот день рюкзак был на Марке. Туристы подтвердили, что видели девушку с корзинкой для пикника и парня с рюкзаком, которые шли по направлению к Расколу, – лицо Олдмена несколько смягчается. Мне интересно, отрабатывает ли он свои выражения лица дома перед зеркалом, как нам советовали делать, когда в школу должен был прийти фотограф. – Кое-что не сходится. Зачем ему нести тяжелый рюкзак, не зная, что в нем?

Я пожал плечами.

– Это Марк. Он спортсмен. В смысле, он был спортсменом. Он, наверное, даже не почувствовал тяжести. Раньше он летом каждое утро ходил на пробежки с рюкзаком, наполненным жестяными банками с супом, которые брал у своей мамы. Он думал, что это помогает развивать мышцы спины. Плюс он был одним из тех парней, которые носят дерьмо своей девушки, не задавая вопросов. Извините, я хотел сказать, вещи.

Олдмен кивает и понимающе смотрит на меня, будто бы хочет сказать: «Ох уж эти женщины и их загадочное дерьмо».

– В этом есть смысл, – говорит он. – Но его нет в том, что мы нашли рюкзак под водой почти прямо на месте падения Марка с Раскола. Сам же он был найден в пятидесяти метрах от этой точки.

Пятьдесят метров. Сто метров вольным стилем было его специализацией. Я вспоминаю о нас с Марком в старшей школе, когда ранним утром мы приходили на секцию по плаванию. Я иногда приходил с похмелья. Мы с трудом впихивали в себя содержимое бутылок, в которых была смесь воды и изотоника Gatorade[9], потому что Марк где-то вычитал, что для организма перед заходом в бассейн нет ничего лучше этого. Марк почти для всех был примером, которому подражали. Люди говорили, что он будет следующим Майклом Фелпсом[10].

– Так вы хотите сказать… – начинаю я, и Олдмен наблюдает, как я расставляю все по местам в этом чертовом беспорядке фактов. Все знают, что Табби столкнула Марка с Раскола, хотя она и говорит, что он упал сам. Но никто ей не верит. Я о том, что она утверждает, будто он споткнулся. Чего она ожидала? Как и во всем остальном, Табби не хватило терпения, чтобы тщательно спланировать убийство.

---

[9] Изотоник – разновидность спортивного напитка. Gatorade – общее название серии изотонических напитков, производимых компанией PepsiCo.

[10] Майкл Фелпс – американский пловец, 23-кратный олимпийский чемпион, 26-кратный чемпион мира в 50-метровом бассейне, самый титулованный спортсмен в мире.

– Не падение убило Марка. Мы уже знаем, что причиной его смерти стало утопление. Допустим, что он упал вниз с рюкзаком, который должен был утащить его на дно, но в таком случае мы бы нашли его вместе с рюкзаком. Марку удалось выплыть.

Я сглатываю ком в горле. Он был жив. Он боролся. Как боролся с любыми преградами, стоящими у него на пути. Большинство людей считало, что Марку все давалось легко: оценки, спорт, девушки. Но ему приходилось ради этого трудиться, как и любому другому.

Олдмен складывает руки на столе передо мной. На его пальце надето обручальное кольцо – безвкусица с бриллиантами.

– Это ничего не доказывает, но вызывает подозрения: кто-то удерживал Марка под водой.

– Вы имеете в виду Табби? – выпаливаю я.

– Мы рассматриваем все версии, – отвечает он, продолжая оставаться спокойным и деловым, в отличие от меня.

– Может, он выбился из сил, – говорю я, потому что мне становится не по себе оттого, что Табби втянула в это дело еще кого-то и что кто-то еще мог ненавидеть Марка настолько сильно, что желал ему смерти.

– В том месте, где был найден Марк, берега скалистые. Любые следы мокрой обуви уже давно были бы смыты. Мы пытаемся найти следы в близлежащей местности, чтобы можно было наверняка определить подозреваемого.

Я тру лицо руками. Марк почти передумал идти в поход. Я мог бы его отговорить от этой затеи – я был с ним в тот день. Но я даже не попытался.

– Что мне интересно, – продолжает Олдмен, – так это то, что тебе может быть известно, как лучшему другу Марка и как, наверное, самому близкому к нему человеку. Были ли у него враги? Кто, по-твоему, мог бы желать смерти Марку?

– Нет, – отвечаю я. – Все любили Марка.

За исключением, наверное, одного человека, который должен был любить его сильнее всех.

Ты сказал, что позвонишь мне, и я ждала часами. Должна была готовиться к огромному тесту по биологии, но теперь я его не сдам, и это твоя вина. Ты где? *22.34*

Ты хоть посмотрел фотку в снепчате, которую я тебе отправила? *22.36*

Почему ты не откомментил фотку, на которой я тебя отметила в инсте? Стыдно за меня? *23.17*

Ты вообще хочешь меня видеть на выходных? *23.21*

Народ в Принстоне вообще в курсе что я существую? *2.17*

Текстовые сообщения от Табиты Казинс Марку Форрестеру, 18–19 октября 2018

КОЛДКЛИФФСКИЙ ВЕСТНИК

20 сентября 2019

История переписки указывает на ревность как на возможный мотив

Автор: Джули Керр

Обнаружены новые улики в деле двадцатилетнего Марка Форрестера, принстонского пловца-чемпиона, и теперь его смерть, произошедшая в походе в середине августа, рассматривается как предполагаемое убийство. Девушка Форрестера – семнадцатилетняя Табита Казинс, – которая была с ним во время смерти, утверждает, что Форрестер упал сам. Однако текстовые сообщения в найденном в реке телефоне Форрестера показывают, что отношения пары были неспокойными, появился возможный мотив убийства. Казинс часто отправляла Форрестеру сообщения, обвиняя его в неверности, а в день похода она отправила ему сообщение с угрозой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.